

РОБЕРТ
МАККАММОН

Роберт Маккаммон создает
собственный литературный жанр.

Wall Street Journal

ГРАНИЦА

The Big Book

Роберт Маккаммон

Граница

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккаммон Р.

Граница / Р. Маккаммон — «Азбука-Аттикус», 2015 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20348-8

Земля стала полем боя для двух инопланетных цивилизаций, и человечество не уцелело в этой войне. А теперь не только летательные аппараты чудовищных горгонцев и сверхтехнологичные штурмовые отряды сайферов угрожают последнему бастиону людей. Кажется, сама вселенная ополчилась против горстки выживших, которые один за другим, не выдержав отчаяния, сводят счеты с жизнью или превращаются в «серых людей», лишившихся всего человеческого. Но однажды во главе смельчаков встает подросток по имени Этан, который в разразившемся апокалипсисе потерял память, зато обнаружил в себе непостижимые способности, дающие земной цивилизации последний шанс на спасение.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20348-8

© Маккаммон Р., 2015

© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	53
Глава 9	61
Глава 10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роберт Маккаммон

Граница

© В. Г. Яковлева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

© Издательство АЗБУКА

* * *

Моему дяде Карлосу посвящается

Часть первая

Последний рубеж на Пантер-Ридже

Глава 1

Бегущий мальчишка очутился прямо под дождем.

На него неожиданно обрушился ливень жалящих капель. Несколько секунд – и свирепый шквал превратился в настоящую бурю: казалось, в тело впиваются сотни горячих иголок. Оглянувшись на бегу, мальчишка разглядел сквозь подвижную пелену дождя вздымающиеся вдали к небу горные вершины. В отравленный воздух взлетали огромные, величиной с дом, обломки скал, падали на землю и разлетались на множество кувыркающихся в воздухе осколков. Над вершинами то и дело сверкали синие, как электрические искры, молнии, способные и в самом смелом сердце поселить жуткий страх, а человек слабый давно бы упал на колени.

Мальчишка продолжал бежать сквозь дождь.

Перед ним раскинулось широкое, без конца и края, поле. Совершенно бесплодное и пустое. Земля превратилась в сплошную грязь, в которой вязли ноги. На ногах были кроссовки, некогда белые. Он не помнил, откуда они взялись и когда он их надел. Не помнил, откуда взялись и грязные джинсы, и не менее грязная темно-красная рубаша с оторванным правым рукавом. Да и вообще он мало чего помнил.

Он знал только одно: надо бежать. Бежать и надеяться, что сегодня он останется в живых.

Да, память его была похожа на быющий на ветру флаг, изорванный в клочья, но он прекрасно помнил, что же оставил у себя за спиной. Он помнил, что находится в штате Колорадо. Он понимал, почему эти горы, древние, как само время, разлетаются сейчас на куски с острыми краями. Понимал, что означают эти синие молнии и почему скоро появятся выбросы ярко-красного пламени, рвущегося к разъяренному небу. Там идет война. Противники нашли еще один участок границы, за который надо драться. И все, что находится между ними, будет уничтожено.

Он бежал, тяжело дыша жарким и влажным воздухом, насквозь промокший от пота и хлещущего дождя, который только усиливался.

Ноги его окончательно увязли в грязи. Грязь липла к обуви, он стал чаще спотыкаться, пока наконец не упал прямо ей в объятия. Липкая и горячая грязь залепила ему лицо и ноздри. Весь черный, он с трудом приподнялся на колени. Сквозь завесу дождя он разглядел с обеих сторон от себя, слева и справа бескрайнего поля какое-то движение и понял, что одна из армий продвигается вперед.

Мальчишка снова распластался в грязи. Он лежал как мертвец, только сердце бешено колотилось в груди, заходясь от жуткого страха. Хотелось полностью скрыться под слоем грязи, погрузиться в нее с головой и тем самым защититься от надвигающейся опасности; он свернулся калачиком и лежал не двигаясь, как только что родившееся дитя, потрясенное открывшимся перед ним новым миром.

Он и раньше их видел. Да-да, где-то он уже видел их. Но разум отказывался служить ему. Видно, столкнулся с чем-то таким, что наполовину отшибло ему мозги, и приходилось вслепую нащупывать хоть что-нибудь в памяти. Слева и справа он видел размытые пятна фигур, они двигались по полю, как вихри серого дыма, словно бесформенные, но смертоносные призраки.

Он лежал неподвижно, вцепившись пальцами в землю, словно боялся, что его сейчас зашвырнут в небытие.

Вдруг он увидел, что одно из пятен остановилось и приняло более четкие очертания; фигура застыла всего в нескольких футах слева, пристально глядя прямо на него.

Мальчику ничего не оставалось, как тоже смотреть, обратив в его сторону заляпанное грязью лицо. Здесь ему нечем было защититься. Нигде он не мог найти защиты. Синие глаза мальчишки смотрели в невыразительное плоское лицо этого существа – или это была маска, забрало шлема, а может, что-то еще. Существо было тощее, как скелет, ростом около семи футов. Внешне похожее на человека: две руки и две ноги. Руки в черных перчатках, на каждой по пять пальцев. На ногах, вполне схожих с человеческими, черные сапоги. Было ли это искусственно сконструированное существо, рожденное ли из яйца или из чрева матери, мальчик не знал и догадаться не мог. Черный, плотно обтягивающий фигуру костюм закрывал его полностью, не позволяя увидеть ни дюйма плоти, и весь был прошит тонкими прожилками, в которых пульсировала темно-красная жидкость. Существо, казалось, не дышало.

Оно было вооружено. Оружие черного цвета, но выглядело мясистым. Двустольное, и от него к телу тянулись трубочки, в которых пульсировала какая-то жидкость.

Оружие было прижато к бедру существа, стволы направлены на мальчишку. Палец лежал на остроконечном отростке, который мог быть спусковым крючком.

Мальчик понял, что смерть его совсем близко.

По воздуху прокатилась некая вибрация. Звука почти не было, дрожь ощущалась телом, и на шее зашевелились волоски. По коже побежали мурашки, а непокорные каштановые волосы на голове словно прилипли к ней: он знал, что должно случиться сейчас, хотя и не понимал, откуда он это знает.

Существо оглянулось, потом посмотрело вверх. Остальные размытые, призрачные фигуры тоже остановили передвижение и обрели плоть. Как по команде, задрали головы, одновременно поднимая оружие навстречу врагу.

Сквозь шум падающего дождя мальчик расслышал некий звук. Он тоже посмотрел вверх, вглядываясь в подвижную пелену падающих капель; из низко нависших желтых туч выплыло то, что испускало этот звук, похожий на тихое шуршание механизма наручных часов или тиканье часового механизма бомбы замедленного действия.

Оно обладало поистине огромными размерами: треугольной формы, со сторонами не менее двухсот футов и покрытое, как шкура какого-нибудь доисторического хищника, бурыми, желтыми и черными пятнами. Тонкое как бритва, без единого бортового отверстия или щели, оно целиком состояло из мышц. Оно молча скользило по воздуху, и это молчание казалось мальчику исполненным вселяющей мистический ужас силой. От кончиков его расправленных крыльев тянулись назад желтые хвосты потревоженного воздуха, а на брюхе пульсировали четыре синих искрящихся глаза размером с крышку канализационного люка.

Воздушное судно продолжало медленно и почти без единого звука скользить по воздуху, и вдруг одно из стоящих на земле существ открыло огонь. Из стволов его оружия ударил двойной язык пламени – впрочем, не совсем пламени, в центре каждого ослепительно-красного языка виднелся раскаленный добела стержень – и взвился в сторону корабля. Но достичь цели он не успел: из мясистого – или металлического – корпуса вырвалась синяя искра и с той же легкостью, с какой мокрые пальцы гасят горящую спичку, задула оба языка вместе с несущими разрушение стержнями.

В то же мгновение дрожащий от страха мальчишка увидел, как стоящие на земле существа обернули оружие к летающему чудовищу и принялись беспорядочно палить... сотни ослепительных языков пламени прищельцев все чаще и чаще устремлялись вверх, но немедленно гасились скачущей по небу шипящей синей искрой.

Мальчик прекрасно понимал, что происходит на его глазах, но вот откуда у него взялось это знание – понятия не имел. Сознание его отзывалось на такие вещи, которые он едва ли мог

услышать или понять. Ему казалось, что он уже проделал долгий путь, но вот откуда начал – он не помнил.

Он все это знал, хотя не мог припомнить ни собственного имени, ни откуда и куда он бежит, ни где его родители. «Эти вооруженные существа... это бойцы сайферов, – думал он. – А летательным аппаратом в небе... управляют горгонцы».

Так их называли люди. Настоящие их имена неизвестны. А сами они молчат, и молчание их непостижимо.

Синяя искра все еще прыгала и плясала, с чуть ли не презрительной лихостью уничтожая раскаленные добела языки пламени. Дождь продолжал поливать землю, в небе клубились желтые облака. Сайферские бойцы один за другим опускали свое бесполезное оружие и, завибрировав, снова превращались в размытые в воздухе пятна, чтобы затем исчезнуть, и мальчик неожиданно остался в грязном поле один. Над ним парил чудовищный летательный аппарат, глядя на землю синими пульсирующими глазами. Мальчишка чувствовал себя крохотной букашкой на ветровом стекле автомобиля, которую вот-вот размажут по поверхности. Он напряжился, собираясь вскочить и бежать дальше, насколько хватит сил, бежать по этой грязи и под этим ливнем, но вдруг летательный аппарат, набирая скорость, проплыл мимо, и мальчик почувствовал, что воздействие его энергии по мере удаления тает. Во рту ощущался привкус грязи и ржавчины. Послышался резкий шипящий звук – так ветчина шипит на горячей сковородке; он посмотрел вслед удаляющемуся аппарату и увидел бьющиеся из его подбрюшья разряды синей, как электрическая искра, энергии. Небольшие взрывы – вспышки черной материи – обозначили точечные удары по сайферам, даже когда те становились почти невидимыми.

Мальчик кое-как встал на ноги и побежал через поле прочь, подальше от продолжающегося сражения. Капли дождя стучали по голове и плечам, но на этот раз он поклялся себе, что больше не упадет.

Сквозь дождь и грязь он мчался к желтому туману, висевшему над горизонтом. На бегу перепрыгивал через дымящиеся воронки, на дне которых лежали какие-то предметы, обгоревшие до черноты и искривленные, словно старые корни деревьев. Запаленные легкие болели, будто от ударов тяжелыми кулаками; мальчик закашлялся, выплюнув струйку красной крови, но не остановился.

Вдруг из тумана прямо перед ним появилось больше десятка сайферских бойцов, все худые и в черном одеянии, скроенном из несуществующего на Земле материала. И все вооружены; оружие, казалось, является продолжением их тел. На всех были черные безликие маски; насколько было известно мальчику, именно так могут выглядеть лица роботов. Не успел он сменить направление, как почувствовал, что кто-то с металлическим бряканьем, словно дергая струны пианино в высоком регистре, приближается к нему сзади. Он резко свернул влево и нырнул в свежую воронку, а над его убежищем на огромной скорости пронеслись раскаленные добела голубые шары плотного огня, и в сторону сайферских солдат протянулись сверкающие, похожие на пылающую колючую проволоку плети. Мальчик подполз к краю воронки и увидел, что новым оружием сайферы изорваны в клочья, и, хотя кое-кто из них своими энергетическими ружьями отбил несколько огненных шаров или успел раствориться в тумане, бой закончился в считанные секунды. На забрызганном черными кляксами поле валялись все еще дергающиеся руки и ноги, а огненные шары, словно горящие яростью глаза, шарили в желтом тумане в поисках новых жертв.

Вдруг в воронке рядом с ним кто-то зашевелился. И снова волоски на шее встали у него дыбом, а сердце усиленно застучало.

Прямо напротив, на другой стороне воронки, сайферский солдат тянулся к своему оторванному от него энергетическому ружью, которое, сморщившись и зачехнув, как умирающая плоть, валялось в нескольких футах от хозяина. Пальцы в черных перчатках скребли землю в попытках вновь обрести ссохшееся оружие, но достать уже никак не могли, поскольку еще

один удар почти пополам разрубил его самого. Ноги в сапогах еще дергались, в тщетных усилиях пытались оттолкнуться от искореженной земли. В брюшной полости поблескивали черные внутренности с красными и желтыми прожилками, как в тельцах кузнечиков, которых мальчик помнил, хотя и не знал откуда. Он чувал едкий запах, похожий на запах жидкости, которой выстреливает кузнечик на пальцы того, кто грубо с ним обращается. Только этот запах был как минимум вдвое крепче. В луже такой жидкости и лежал этот воин. Он все пытался дотянуться до своего оружия, но разорванное тело уже не слушалось.

Мальчик заговорил, и собственный голос показался ему совсем незнакомым.

– А я-то думал, что все вы такие прочные, – сказал он.

Безликое существо продолжало изо всех сил тянуться за оружием. Мальчик присел на корточки, помня о других солдатах и о летающих аппаратах, любой из которых мог легко оторвать ему голову, и осмелился прикоснуться к энергетическому ружью. Оно показалось ему липким, как резина, долго пролежавшая под палящим солнцем. Жидкость из его трубок течь уже перестала. То, что недавно было грозным оружием, прямо на глазах съеживалось, словно втягиваясь само в себя. Похожая на паука лапа солдата едва не дотянулась до лодыжки мальчика, и ему стало страшно: на мгновение он представил себе, что тот сейчас схватит его за ногу и боль парализует тело. Держась подальше от страшной руки, он вылез из воронки и снова побежал, понимая, что сидение на месте смерти подобно.

Еще он понял, что ему очень хочется жить. Понял, что ему необходимо выжить, что, пока не поздно, нужно поскорее найти безопасное местечко и укрыться в нем.

Мальчик бежал, и дождь хлестал его по лицу. Дышать стало совсем тяжело, он закашлялся, отплеываясь кровью. Его продолжали мучить вопросы, кто он такой, откуда родом, но ни одного ответа у него не было. Он совсем ничего не помнил. Помнил только, как бежал через поле, как будто сознание его было когда-то и кем-то выключено, а потом включено снова нажатием дрожащей руки на выключатель. Есть ли у него отец? Мать? Брат или сестра? Есть ли свой дом? В памяти пусто, нет даже самой бледной тени ответа на эти вопросы.

Ему было очень больно. Болело все: и легкие, и сердце, и желудок, да и кости тоже. Такое чувство, будто его разобрали на части, а потом снова собрали, но кое-как. Прямо как в той старой идиотской песенке о том, как берцовую кость соединили с голенью, и о прочей чепухе в этом духе; ему казалось, что его берцовая кость приделана к ключице, а голень к заднице. Все в нем будто перемешалось, но, как ни странно, бежал он довольно легко. И в данный момент этого было достаточно.

Чудовищный треугольник все еще продолжал летать над ним. Мальчик поднял голову и увидел, как из отвратительных желтых облаков выскользнул огромный, пестрый, как доисторическая рептилия, горгонский аппарат. Синими, как электрическая искра, выбросами энергии он продолжал вести огонь, поражая невидимые фигуры врага на земле. Для мальчика было очевидно, что он сам был для этого монстра таким ничтожным, что на него не стоило тратить даже одной, несущей верную гибель искорки.

Неожиданно ярко-синие молнии стали бить направо и налево, словно в поисках каких-то иных целей. Корабль горгонцев как будто дрожал от страха, и через несколько секунд мальчик увидел почему.

С обеих сторон в него полетели тонкие, черные как смоль снаряды длиной около двадцати футов. Всего их было десять штук, и двигались они быстро и беззвучно. Четыре из них сразу оказались поражены и взорвались, превратившись в летящие черные ленты, но у остальных шести вдруг отросли зубы и когти – они вцепились в плоть горгонского корабля и, обратившись в лоснящихся прожорливых пауков, принялись расторопно рвать зубами и когтями его пятнистую шкуру, пытаясь проникнуть внутрь.

Неизвестно откуда и кем по воздушному судну было выпущено еще шесть алчных снарядов. Два из них опять были сбиты, но остальные четыре снова превратились в таких же чер-

ных, лоснящихся пауков, которые прорвались к цели и вцепились в плоть, если можно так ее назвать, врага. Отдельные куски горгонского корабля начали отваливаться, открывая темно-красное мясо с похожими на шестигранные путепроводы жилами. Снаряды-пауки все быстрее и быстрее делали свою кровожадную работу, используя когти и зубы, в то время как по всем направлениям безумно и беспорядочно рассыпались синие молнии. Когда разряд энергии с шипением ударил в землю футах в сорока справа, мальчишка от страха присел, но все равно не мог оторвать взор от омерзительного паучьего пира в плоти гибнущего гиганта.

А горгонский корабль погибал в прямом смысле этого слова. Корпус его дрожал и корчился, а сайферские пауки вгрызались все глубже, прорываясь к таинственному сердцу этого чудовища. Из десятков ран текла темно-красная жидкость. Куски судна, судорожно корчась и извиваясь, продолжали падать на землю. Летательный аппарат пронзительно закричал. Звук невыносимо резал слух, это было нечто среднее между скрипом ногтей по классной доске и дребезжанием древесной гадюки.

Чтобы не слышать этого, пришлось закрыть уши ладонями, но звук проникал сквозь любое препятствие, и у мальчика подогнулись коленки. Отвалился еще один огромный кусок воздушного судна и, рассеивая фонтаны темной жидкости, полетел на землю. А внутри открывшейся полости всюду шло пиршество паукообразных хищников, которые рвали мясо врага и, работая когтями и клыками, способными, как мальчику казалось, разгрызть и порвать все, что угодно, включая металл и железобетон, прорывались все дальше по внутренним коридорам судна. Горгонский корабль накренился вправо, вываливая изнутри огромные куски мяса и выливая массы жидкости – все, что не успели пожрать сайферские пауки.

А пронзительный вопль машины все не стихал, даже когда корабль рухнул на землю. Пауки облепили дрожащую шкуру. Мальчик повернулся и бросился наутек.

Он не знал, где еще можно подыскать безопасное место. Душераздирающий визг постепенно стих. «Один – ноль в пользу сайферов», – подумал он, убегая все дальше сквозь желтый туман. И вдруг оказался на потрескавшейся железобетонной площадке.

Он увидел, что стоит на автостоянке. Вокруг него в уплотнившемся воздухе виднелись ржавые и изрядно потрепанные корпуса восьми брошенных машин. Дождь перестал. Вода заполняла трещины, воронки, всюду виднелись лужи. Прямо перед ним располагалось длинное строение из красного кирпича с полностью выбитыми окнами. Слева – покосившиеся футбольные ворота, за ними – заросшее травой футбольное поле. Трибуны для зрителей разрушились и провалились. На стоянке сохранился знак, доблестно провозглашающий послание из прошлого.

Черными буквами на нем было написано: «Средняя школа Этана Гейнса». А под ними шли буквы красного цвета, съемные: «Старшеклассники играют 4–6 апреля Чнджелинг».

Вдруг мальчик увидел, что слева к нему через футбольное поле приближаются нечеткие пятна. Солдаты сайферов. Вот они остановились, за несколько секунд обрели свои телесные формы и опять быстро двинулись вперед. Он прикинул, что в приближающейся к нему темной волне где-то сорок – пятьдесят сайферов. Мальчик рванул было вправо, но тут же понял, что спастись от них не успеет, догнать его им не составит большого труда. Тогда он упал на бетон и юркнул под раскуроченный грузовичок-пикап некогда черного цвета, но теперь, по большей части из-за ржавчины, красноватый, а на разбитом заднем стекле его все еще оставалась наклейка: «Денвер бронкос».

Темные тени сайферов ступили на площадку парковки. Солдаты, похоже, были на марше, меняли позицию. Мальчик всем телом вжался в твердый потрескавшийся бетон. Если хоть один из них почувствует, что он здесь...

Но что-то такое было уже на подходе...

Мальчик нутром чувствовал это, судя по тому, как побежали мурашки по всему телу. В этом протухшем воздухе он ощущал приближение некоей пульсирующей энергии. Из сво-

его убежища ему были видны ноги некоторых материализовавшихся солдат; они стояли неподвижно – видимо, тоже чувяли приближение пока еще неведомой силы.

Стояла тишина, прерываемая лишь каплей стекающей с автомобилей воды. Потом сверху послышался шум, напоминающий шелест ветра; казалось, что-то пролетело мимо них, и вспышка синего света осветила площадку стоянки. Мальчик зажмурился, и все пропало.

Он, моргая, ждал, что будет дальше. Перед глазами мелькали какие-то пятна. Кое-кто из солдат снова вздумал превратиться в неясное пятно, другие оставались как есть, на виду, но стояли неподвижно и настоже, а возможно, просто остоленели.

Грузовичок над мальчиком вдруг зашевелился.

Он содрогнулся, да так, что закрипели, застонали его ржавые стыки и раны, и мальчик услышал, как эхом откликнулись такими же стопами и скрипами остальные автомобили по всей стоянке. Нижняя часть корпуса грузовичка стала меняться, металл внезапно покрывлся красными и бурыми чешуйками, а заплесневелые шины превратились в приземистые, тоже чешуйчатые лапы, из которых торчали острые красные шипы с блестящими черными кончиками.

Мальчишка догадался, что старый грузовичок оживает.

Буквально через несколько секунд он увидел над своей головой колышущееся брюхо. Вся фигура над ним ширилась и уплотнялась, издавая при этом звуки, напоминающие щелканье соединяющихся суставов в сочетании с металлическим скрипом – это металл превращался в кости, а те обрастали плотью.

Перепуганный до смерти, парнишка выкатился из-под этого зверя и, стоя на четвереньках, увидел, что он теперь находится не на автостоянке с брошенными автомобилями, а в каком-то зверинце с чудовищами, которые, казалось, явились из самых мрачных глубин ночного кошмара.

Мальчик понял, что ослепительно-синий луч энергии, выпускаемый пролетевшим над ним неизвестным существом, обладает способностью творить из мертвой материи жизнь. Жизнь, которую он сотворил здесь из ржавых и брошенных корпусов мертвых машин, либо рождена в виде реальных живых существ царства горгонцев, либо создана воображением предводителя этих пришельцев из чуждого мира.

Над железобетонной площадкой воссоздавали крупные, мощные фигуры чудовищ. И среди них находился маленький мальчик, в окружении этих когтистых лап, ног, ошестинившихся острыми красно-черными шипами. Чудища ворочали рогатыми многоглазыми головами с разинутыми пастьми, оглядывая поле битвы. И вот тут-то сайферские бойцы открыли огонь.

Хлесткими бичами по площадке заматались спирали потустороннего пламени, избивая и сжигая только что рожденную плоть этих монстров. Одни из них ревели и выли, сотрясая лапами землю, другие с немыслимой скоростью рванулись вперед, атакуя солдат. Пораженный ужасом мальчик наблюдал, как эти создания горгонцев мечутся то вправо, то влево, размахивая шипастыми и когтистыми лапами и врезаясь в толпы бойцов. Он заметил, что у одного из самых мускулистых чудовищ в том месте, где плечи переходят в шею, на красноватой чешуе виднеется наклейка «Денвер бронкос», как раз под защищенной броней плотью, словно выцветший остаток земной татуировки.

Солдаты палили направо, и покрытая чешуей плоть дымилась и горела, а чудовища давили, рвали на куски, топтали тощие длинные фигуры в черной униформе – внутренности с запахом сока кузнечика летели по воздуху и, разбрасывая во все стороны брызги, шлепались на землю. Увенчанная тремя рогами голова одного из чудовищ с шестью глубоко посаженными багровыми глазами вспыхнула от попадания выстрела, и существо с визгом заматалось по площадке стоянки, слепо нанося удары направо и налево, в то время как его шишковатая морда таяла, как серый воск.

Сайферы были сокрушены, сломлены и раздавлены под лапами этих монстров, кроме тех, кто быстро развоплотился, превратившись в размытое пятно, но некоторые стояли до конца и позиций не сдавали, продолжая вести огонь по чудовищам до тех пор, пока монстры не разорвали их в клочья, сочащиеся влагой. Кто на четырех лапах, кто на двух, монстры бросились преследовать отступающих солдат. Три издыхающие бестии горгонцев остались лежать на бетонной площадке, пожираемые пламенем, исторгнутым из оружия сайферских воинов, и с пронзительными воплями тщетно пытались сбить его в попытке спастись от неминуемой смерти. Одно из этих чудовищ встало на колени, повернуло пылающую треугольную голову на толстой шее, и черные как уголь глаза отыскивали мальчика, который, крадучись, пятился прочь. Но вот глаза монстра потухли – пламя еще пробежало по его чешуе и шипам, – он повалился на спину и издох.

Мальчик распрямился и, спотыкаясь, снова побежал.

Ему хватало сил только для того, чтобы держаться на ногах. А войдя во мглу желтого тумана, он понял, что ему ни в коем случае нельзя – он просто не должен – упасть. За спиной слышался рев монстров, но уже довольно далеко, и мальчик летел вперед, почти не чуя земли под своими грязными кроссовками. Твердый бетон под ногами кончился, и теперь он снова бежал по грязному, заросшему буйной травой полю. По пути то и дело попадались искореженные, дымящиеся тела сайферских солдат – здесь тоже, видно, недавно кипел бой. «Один – ноль в пользу горгонцев», – снова подумал мальчик.

Он не пробежал и сотни ярдов, когда понял, что кто-то быстро его догоняет.

Оглядываться было страшно. И замедлять бег он тоже боялся. Жутко думать о том, что на этом грязном поле его в любой момент могут убить.

Кто таков его невидимый преследователь, мальчик не знал, но чувствовал, что он гонится по пятам и уже совсем близко.

Все-таки не выдержав, он оглянулся, чтобы выяснить, кто его догоняет, как вдруг из тумана показался всадник на серой в яблоках лошади и, не успев мальчишка дать стрекача вправо, железной хваткой вцепился в его руку. Ноги мальчика оторвались от земли, он взлетел вверх...

– Ну-ка полезай ко мне! – пророкотал грубый человеческий голос.

Мальчик устроился за спиной мужчины и крепко обхватил его за талию; на мужчине с левой стороны висела наплечная кобура, а в ней что-то очень похожее на автомат системы «узи». Неся на спине двух всадников, лошадь поскакала по полю, оставив далеко позади горгонских чудовищ, воющих, как потрескавшиеся погребальные колокола в последний день мироздания.

Глава 2

Но этот день не стал последним днем мироздания.

В этот день по календарю был четверг, десятое мая. Может быть, кто-то и хотел, чтобы он стал последним днем мироздания, и даже молился, чтобы это поскорее случилось, и проливал по этому поводу горькие слезы, но были и те, кто за этим днем готовился встретить следующий, поэтому мальчик и оказался на спине лошади, несущей всадников к крепости.

В штате Колорадо, на южной оконечности города Форт-Коллинз, на дороге, ведущей к вершине холма, стоял старенький, потрепанный знак, на котором была изображена стилизованная эмблема с крадущейся пантерой и потускневшей тисненой надписью медью: «„Пантер-Ридж“, меблированные комнаты». А на самом верху, откуда открывался прекрасный вид на окрестности, расположились и сами меблированные комнаты. Находились они в четырех кирпичных строениях песочного цвета с выкрашенными в серый цвет балкончиками и раздвижными стеклянными дверями. После экономического спада 2007 года гостиница «Пантер-Ридж», построенная в 1990 году и некогда желанная для любого жизнелюбивого холостяка, переживала тяжелые времена, и владеющая ею инвестиционная компания продала ее другой компании, после чего жизнь как самой гостиницы, так и ее владельцев пошла под откос. Но мальчишка об этом ничего не знал. Он видел лишь четыре унылых здания, окруженные пятнадцатифутовой стеной из скрепленных раствором валунов и увенчанной густыми витками колючей проволоки. На все стороны света – восточную и западную, северную и южную – смотрели крытые рубероидом деревянные сторожевые башни. Мальчик не мог не заметить установленных на каждой башне крупнокалиберных пулеметов на станинах с вращающейся осью. Лошадь со всадниками продолжала путь по дороге на север, и на южной башне взвился зеленый сигнальный флаг. Вот перед ними приоткрылись внутрь большие деревянные ворота, обитые железными листами.

Как только проход оказался достаточно широк, лошадь галопом проскочила внутрь, и сразу несколько мужчин и женщин, открывших тяжелые ворота, плотно их захлопнули. И быстренько заблокировали ее двумя толстыми деревянными брусами, вставив их в железные скобы на двери и в проделанные в стене пазы. К этому времени подбежавший будто специально для этого дюжий мужчина уже успел снять мальчишку с лошади. Лицо здоровяка обрамляла борода, на руках были кожаные перчатки, и держал он мальчишку перед собой, будто это не живой человек, а мешок с мусором; он бегом потащил свою ношу по двору, вошел в одно из зданий и спустился по лестнице. Там он открыл какую-то дверь, чуть ли не швырнул его внутрь и снова затворил дверь. Мальчик услышал, как в замке с лязгом поворачивается ключ.

Только через несколько секунд до него дошло, что его упрятали в тюремную камеру.

Пол в ней был застелен белым исцарапанным линолеумом. Окрашенные в желтовато-серый тон стены тоже были покрыты глубокими царапинами. Такое впечатление, подумал мальчишка, что эти отметины оставлены чьими-то когтями. Кроме того, на стенах виднелись дырки от пуль. Деревянная дверь, как и ворота в стене, была укреплена металлическими листами. А раздвижные балконные двери закрыты листовым железом и обмотаны колючей проволокой. Маленькое квадратное окошко пропускало скудный свет. Мебели не было вообще. Светильники все были сорваны, впрочем, какая разница, электричество здесь все равно отсутствовало, и свисающие провода лишь напоминали о том, что оно было когда-то. На стенах и на полу виднелись какие-то светло-бурые пятна – очень может быть, следы крови.

– Нормально, – произнес мальчик вслух, просто для того, чтобы услышать собственный голос.

Но это значило для него нечто большее. «Нормально». Если ему удалось перебежать через грязное поле, удрать со стоянки, где его окружали горгонцы с сайферами, значит он

останется жить. Несмотря на то что он понятия не имел, кто он такой и откуда взялся, у него есть инстинкт выживания. Стало быть... «нормально». «Нормально» – это еще и потому, что он хотя бы попал к людям, пусть даже его собираются сунуть в котел, сварить и съесть, но... Впрочем, не следовало так думать, такой исход нормальным назвать нельзя, и он стал думать о другом. Главное, он находится среди людей, разве не так? «Нормально», потому что сейчас – именно в данный момент – он чувствовал себя в безопасности, находясь в этой крохотной тюремной камере без мебели, и сейчас ему не надо никуда бежать; он очень устал, все тело болит, но сидеть здесь и ждать, что будет дальше, для него «нормально».

Долго дожидаться, что будет дальше, ему не пришлось. Буквально через несколько минут снова послышался лязг ключа в замке. Сердце застучало быстрее. Он напрягся, подвинулся по полу к стенке и, прислонясь к ней спиной, приготовился. Дверь открылась, и в тускло освещенную комнату вошли трое. У одного в руке была старинная черная сумка, какая бывает у врачей, а в другой – горящая керосиновая лампа, которой он, войдя, осветил мальчика. Двое других были вооружены пистолетами-пулеметами, стволы которых они наставили на мальчишку.

Дверь за ними закрылась, и в замке щелкнул ключ.

– Встань, – скомандовал один из тех, кто был с оружием. – Раздевайся.

– Что? – растерянно переспросил мальчик; после бега он еще был слегка заторможен.

– Вставай, говорю, – рявкнул тот, – и скидывай свои тряпки.

Мальчик поднялся на ноги. Говорил с ним тот самый, который закинул его к себе на лошадь. На вид мужчине было около сорока лет, он обладал средним телосложением, но физически был явно очень силен. На суровом лице выделялся ястребиный нос, глубоко посаженные темно-карие глаза смотрели настороженно. Он производил впечатление человека, который не знает, что такое улыбка. Казалось, улыбка способна разломить его лицо пополам. На нем были линялые джинсы, коричневые рабочие ботинки, серая рубаша с закатанными рукавами, а на голове замызганная темно-синяя бейсболка. Лицо заросло каштановой с проседью бородой. С левого плеча свисала кобура для ношения его смертоносного оружия. На левом запястье – выдававшие виды часы без стекла.

– Смелее, сынок, – мягко проговорил человек с медицинской сумкой.

Он был старше остальных, ему было где-то за шестьдесят; седовласый и чисто выбритый, худой и одетый куда более опрятно, чем его спутники: на нем была синяя рубашка и выцветшие брюки защитного цвета. Видно было, что он старается придерживаться привычек прежней жизни. Лицо его, наверное, некогда было дружелюбным и открытым, но теперь выглядело напряженным и сосредоточенным. Мальчик заметил и у него на поясе кобуру с револьвером, а часы на руке, похоже, оставались в рабочем состоянии.

– Вы собираетесь меня убить? – задал мальчик вопрос этому старику.

– Если понадобится, – ответил за него человек с суровым лицом. – Давай снимай свои штотки. Да пошевеливайся.

Третий, чернобородый, худой и бледный, продолжал стоять возле двери. Мальчик догадался, что тот занял эту позицию, чтобы удобнее было держать его на мушке и в случае чего стрелять. Он стал раздеваться, но быстро не получалось: болели все кости, он так устал, что, казалось, готов был проспать хоть целый год. Наконец избавился от одежды; она валялась вокруг него на полу, а он стоял неподвижно, в то время как все трое пристально разглядывали его в свете керосиновой лампы.

– Откуда у тебя эти синяки? – тихо спросил доктор.

Мальчик опустил голову и посмотрел на себя. Прежде он как-то не думал об этом. Через всю грудь от плеча до плеча тянулся сплошной, почти черный кровоподтек. Почерневшие синяки усеяли и его бока, такие же нашлись и на животе, и на бедрах. И хотя он совершенно не помнил, откуда они взялись, но теперь ему стало ясно, почему у него болит все тело и почему он все время плюет кровью. Это следы ударов, причем очень сильных.

– Повернись, пожалуйста, кругом, – сказал врач. – Посмотрим на твою спину.

Мальчик повиновался. Стоящий у двери чернобородый негромко крикнул, а человек с суровым лицом полупшепотом что-то проговорил третьему.

– Спрашиваю еще раз, – сказал врач. – Откуда у тебя эти ушибы?

– Не знаю, – последовал недоуменно-изумленный ответ опять повернувшегося к ним лицом мальчика.

– Ушиб на спине и вдоль позвоночника почти такой же серьезный, как на груди. У тебя очень тяжелые травмы. Ты явно попал в какую-то страшную передрыгу... не просто, скажем, скатился кубарем с лестницы или упал и ободрал коленку. Я хочу сказать... удары были очень жестокими.

Он шагнул вперед и посветил мальчику в глаза.

– Осторожнее, док! – предостерегающе повысил голос человек с суровым лицом.

Он направил ствол своего «узи» мальчику прямо в живот, и видно было: случись что, рука у него не дрогнет.

– Кровью плюешь?

– Да, сэр.

– Неудивительно. Но меня удивляет вот что: у тебя нет разрывов в легких и ты все еще можешь дышать. А как со слухом, все в порядке?

– У меня звенело в ушах. Но сейчас, кажется, прошло. Больше не звенит.

– Гм... Интересно. Я думаю, что ты подвергся... ну не знаю... нет, сейчас я ничего не могу об этом сказать.

Он изобразил на лице жиденькую улыбочку, от которой по лицу пошли морщинки; на большее, видимо, был не способен.

– А можно мне снова одеться?

– погоди, еще рановато. Вытяни, пожалуйста, руки в стороны.

Мальчик послушно сделал, что просят.

Доктор передал медицинскую сумку человеку с суровым лицом и снова приблизился к мальчику. Тщательно осветил лампой все тело – похоже, искал на нем какие-то подробности. Исследуя огромный черный кровоподтек на груди, он нахмурился.

– Можешь опустить руки, – сказал он, и мальчик повиновался.

Потом врач потянулся назад и открыл свою медицинскую сумку. Достал шприц для подкожных уколов, снял колпачок.

– Дай мне, пожалуйста, левую руку, – сказал он.

– А зачем? – неуверенно проговорил мальчик.

– Это физиологический соляной раствор.

– Нет, я спрашиваю, зачем это нужно? – снова спросил мальчик, на этот раз с некоторым раздражением.

– Нам надо кое-что проверить, – ответил врач, – убедиться в том, полностью ты человеческое существо или нет. В чужеродной крови соляной раствор вызывает реакцию. Повышает ее температуру. А потом бывают... в общем, разные штуки. Левую руку, пожалуйста.

– Я человек, – сказал мальчик.

– Делай, что тебе велят, – буркнул человек с суровым лицом. – Мы не хотим пристрелить тебя ни за что.

– Хорошо, – сказал мальчик, выдавил скупую улыбку и протянул левую руку. – Пожалуйста.

Игла вонзилась в вену. Врач сделал шаг назад. Двое других взяли оружие на изготовку. Врач засек по своим часам время. Прошло что-то около минуты.

– Дейв, – сказал врач, глядя на человека с суровым лицом. – Думаю, он чист.

– Уверен?

Врач внимательно посмотрел мальчику в лицо. Его синие ясные глаза окружал ореол мелких морщинок.

– Узелков никаких не вижу. Никаких аномалий, новообразований. Реакции на раствор тоже нет. Давайте послушаем сердце, проверим давление.

Доктор достал из сумки стетоскоп, послушал, как бьется сердце мальчика, измерил ему давление.

– Все нормально, – сказал он. – Учитывая его обстоятельства.

– А что скажете о кровоподтеках?

– Да, – произнес врач, – вот именно... ну что тут про них можно сказать. – Это прозвучало утверждением, а не вопросом. – А как тебя зовут, сынок?

Мальчик не знал, что ответить. Он очень устал, все тело болело, во рту еще ощущался привкус крови. Как зовут? Ответа на этот вопрос у него не было. Трое мужчин ожидали. Нет, уж лучше что-то сказать им. И вдруг он вспомнил имя, которое видел совсем недавно.

– Этан Гейнс, – сказал он.

– Правда? – Дейв склонил голову в сторону. – Забавно получается. Наш наблюдатель видел в бинокль, как ты бежал к автомобильной стоянке возле той самой средней школы. Забавное в том, что и школа эта Этана Гейнса. Была то есть. Так как же тебя все-таки зовут, а, парень?

Мальчик пожал плечами.

– Я думаю, – сказал врач, – он просто не помнит, как его зовут. Парень получил какой-то страшный удар. Возможно, в результате взрыва. Так действует ударная волна. А где твои родители? – спросил он мальчика.

– Не знаю, – хмуро ответил тот. – Мне кажется, я недавно проснулся, неожиданно. И побежал. И больше ничего не помню. Я знаю, что я сейчас в штате Колорадо... в Форт-Коллинсе, да? Но вот все остальное...

Он заморгал и оглядел свою маленькую тюрьму.

– А для чего эта комната? – спросил он. – И что значит... ну что вы говорили про то, что чужеродная кровь... нагревается?

– Об этом поговорим потом, – сказал Дейв. – А сейчас вопросы задаем мы... например, откуда ты здесь взялся?

Терпение мальчика кончилось. Ему уже было все равно, тычет этот человек в него стволом «узи» или нет. Выставив вперед подбородок, он решительно шагнул вперед – и оба ствола дернулись за ним вслед.

– Я же сказал вам, – синие глаза мальчика гневно сверкнули, – я не помню, кто я и откуда. Помню только, как я бежал. Я бежал от этих... А они дрались между собой. И наверху, над моей головой. И внизу, вокруг меня.

Он замолчал, чтобы вдохнуть воздуха в больные легкие, и продолжил:

– Я также не знаю, кто вы такие. Я очень рад, что вы спасли меня оттуда, где я был, но мне не нравится, когда в меня тычут пушками. Ни вы, ни эти сайферы... – несколько секунд он для внушительности помолчал и только потом добавил: – Сэр.

Мужчины опустили стволы. Дейв бросил на доктора быстрый взгляд; тот с едва заметной довольной улыбкой сделал шаг в сторону.

– Ну что ж, Этан, – сказал он. – Теперь, пожалуй, ты можешь одеться. А что касается вопроса, кто мы такие... меня зовут Джон Дуглас. В прежней жизни я был детским хирургом. А теперь главным образом торговец аспирином. А это Дейв Маккейн, – он указал на человека с суровым лицом, потом на его товарища, – и Роджер Пелл.

– Очень приятно, здравствуйте, – сказал Этан всем троим.

И принялся одеваться... сначала грязные белые носки, трусы, все в таком плохом состоянии, что трудно даже представить, потом заляпанные грязью джинсы, не менее испачканную

темно-красную рубаху с оторванным правым рукавом и покрытые ссохшейся грязью кроссовки. Сунул руки в карманы джинсов, надеясь найти хоть что-нибудь, что могло подсказать ответы на заданные вопросы, но ничего не обнаружил.

– И этой одежды я тоже не помню, – сообщил он.

Вдруг он почувствовал, будто внутри у него что-то сломалось. Так неожиданно, и так тихо, и вместе с тем похоже на внутренний крик. Он ведь хотел сказать: «Я не помню, кто купил мне эту одежду», но эта мысль быстро рассеялась. Он задрожал, поднял правую руку и прижал ко лбу, словно пальцами хотел нащупать воспоминания, которых там не было; глаза его горели, дыхание в горле перехватило, и куда ни повернись – всюду непробиваемая стена.

– Да черт возьми, – сказал Дейв Маккейн, – я тоже иногда забываю, как меня зовут. – Теперь он говорил гораздо спокойнее, без прежней резкости в слегка дрожащем голосе, и, чтобы это было не так заметно, он прокашлялся. – Время нынче такое. Верно говорю, док?

– Точно, – отозвался Джон Дуглас.

Он протянул руку и коснулся руки Этана. Прикосновение вышло ласковое, как у настоящего детского хирурга.

– Что и говорить, время такое... – сказал он.

Этан сморгнул слезы и кивнул. Слезами делу не поможешь, они не воодушевят на победу в битвах и не исправят ошибок.

– Она тоже захочет на него посмотреть, – сказал Дейв, глядя на доктора. – Если, конечно, ты на сто процентов уверен...

– Да, я совершенно уверен. Этан, можешь звать меня Джей-Ди, ты не против?

– Нет, сэр.

– Вот и хорошо. Давайте-ка выбираться из этой норы.

Его вывели, закрыв за ним обитую железом дверь, на окутанный желтым туманом свет божий. Там его встретили люди, с полдюжины, не больше; все в заплатанной, застиранной одежде, они дожидались итога происходившей внутри драмы – и, как только Этан появился, отступили к лестнице.

– Сюда, – сказал Джей-Ди, указывая Этану налево.

Они вышли к площадке стоянки автомобилей возле нижних зданий. Дождь перестал, и сквозь желтые тучи прорывались жаркие солнечные лучи. В атмосфере пахло электричеством, как перед грозой. Воздух был насыщен влагой, дышалось тяжело. Не чувствовалось даже самого легкого ветерка. Этан прошел за тремя мужчинами через стоянку, мимо заброшенных теннисных кортов и заваленного мусором плавательного бассейна, в дальнем конце которого, в самой глубокой части, поблескивала лишь небольшая лужица дождевой воды. Он видел, что здесь, под защитой самодельной маленькой крепости, собрались люди самых разных поколений. Некоторые женщины держали на руках маленьких детей; были дети и постарше, а также подростки, юноши и так далее, до совсем уже престарелых, старичков и старух, которым, вероятно, уже перевалило за семьдесят. Некоторые работали, крепкие мужчины обтесывали стволы деревьев и укладывали в аккуратные штабеля, другие трудились на внешних стенах, укрепляли поврежденные их участки или занимались чем-то другим – мало ли найдется работы на благо общества, члены которого живут в крепости. Большинство обитателей, увидев их, приостанавливали работу и провожали взглядами проходящего мимо Этана и ведущих его людей. Все были худы и двигались медленно, словно сонные мухи, глаза на невыразительных лицах были пусты, но они тоже, как и сам Этан, сумели выжить. Этан насчитал восемь лошадок, щиплющих чахлую травку в загоне на склоне каменистого холма, почти у самой его вершины. Неподалеку стоял небольшой деревянный амбар, которого явно не было во времена гостиничных номеров. В условиях, когда нет бензина, быстро передвигаться было возможно, лишь используя реальную лошадиную силу.

– Теперь вот сюда, – сказал Джей-Ди, указав еще на одну лестницу, ведущую в центральное здание комплекса.

На стенах здания красовались лозунги, написанные красной, белой и синей краской, и среди этих немых восклицаний были, например, такие: «Мы не умрем», «Это наша Земля», «Завтра будет еще один день». Интересно, подумал Этан, живы ли те люди, которые это писали.

Он стал подниматься по ступенькам вслед за Джей-Ди, а Дейв Маккейн и Роджер Пелл следовали за ним; на втором этаже доктор остановился перед дверью с номером 227 и постучал. Не успела она открыться, как над их головами с визгом что-то пролетело, но так быстро, что разглядеть оказалось невозможно, в сознании осталось лишь мгновенное впечатление промелькнувшего в воздухе и тут же скрывшегося треугольника, покрытого желтыми и бурыми пятнами, и все сразу присели, кроме самого Этана; во-первых, он слишком устал бегать, а во-вторых, считал, что, если ему суждено умереть сегодня, значит такова его доля и прятаться от нее он не намерен.

Дверь открылась, и из-за нее выглянул худощавый мертвенно-бледный человек с густой рыжей шевелюрой и такой же рыжеватой бородой. На носу его были скрепленные изолентой очки. Сквозь увеличительные линзы нашедших смотрели серые глаза. Одет он был в грязный комбинезон и рубашку в коричневую клетку, а в руке держал планшет с зажатым листком желтой бумаги, на котором Этан успел разглядеть какие-то черточки и цифры. Из левого уголка рта у него торчал изрядно обгрызенный карандаш.

– Добрый день, Гэри, – поздоровался Джей-Ди и показал на Этана. – У нас новенький.

Внимательным взглядом увеличенных очками глаз Гэри принялся внимательно изучать Этана. Рыжеватые брови его поползли вверх.

– Что, шлепнулся в грязь? – спросил он.

Этан кивнул.

– У нас что, новенький? – послышался женский голос из-за спины Гэри, у которого, как и у Джона Дугласа, на поясе висела кобура с револьвером. – Ну-ка, ну-ка, дайте мне посмотреть.

Гэри посторонился. Джей-Ди позволил Этану первым войти в квартиру. В комнате за письменным столом сидела женщина, а у нее за спиной на стене висела большая картина в экспрессионистском стиле: по широкому полю мчались дикие кони. За выходящей на балкон большой раздвижной дверью, стекла которой были укреплены клейкой лентой крест-накрест, в отдалении виднелись горы, которые совсем недавно на глазах Этана рвались на куски. Пол был застелен темно-красным ковром, на котором стояли еще два стула, низенький столик и обитый коричневой тканью диван. Мебель выглядела так, будто ее доставили из магазина подержанных вещей, тем не менее она создавала в комнате ощущение уюта. Впрочем, возможно, и нет. Возле другой стены виднелась стойка с тремя винтовками, одна из них с оптическим прицелом. Здесь и там были расставлены керосиновые лампы, несколько штук, все с неярко горящими фитилями. С другой стороны письменного стола сидела на стуле еще одна женщина, а перед ней лежал такой же, как у Гэри, планшет с закрепленным на нем желтым, исписанным цифрами листком бумаги. Очевидно, здесь проходила не просто встреча, а обсуждение неких проблем, связанных с числами, а когда Этан приблизился к столу, его охватило отчетливое чувство, что цифры эти оставляют желать много лучшего.

Обе женщины встали, словно перед ними стоял человек, вполне достойный такой чести. Может, и так, подумал Этан, хотя бы за то, что оказался здесь, а не погиб от горгонских чудовищ или сайферских бойцов. Та, что сидела за столом у стены, была старше своей подруги. На ней была бледно-синяя блузка и серые брюки, а шею украшало ожерелье из бирюзы с серебряным распятием посередине.

– И кто же это к нам пришел? – спросила она.

Темно-карие глаза ее сузились, и она метнула быстрый взгляд на Джей-Ди.

– Он человек, – ответил доктор на обращенный к нему немой вопрос.

Но в голосе его прозвучало кое-что еще. «Насколько я могу судить» – вот что услышал в его ответе Этан.

– Впрочем, у нас есть одна маленькая проблема. Он не знает...

– Меня зовут Этан Гейнс, – быстро вставил мальчик, и Джей-Ди так и не закончил свою мысль.

– ...про себя почти ничего, – вывернулся доктор.

В комнату вошли Дейв с Роджером, и Гэри закрыл за ними дверь. Шум работы снаружи теперь слышался приглушенно.

– Этан не знает, откуда он и кто его родители. Пока он для нас... скажем так... загадка.

– Ханна наблюдала за ним в бинокль, – добавил Дейв.

Говорил он уже не так грубо, как прежде, но тон оставался довольно резким. Дейв стащил с головы бейсболку, под которой прятал вихрастую каштановую шевелюру, тронутую на висках сединой.

– Ну вот я и решил съездить и поймать его, – добавил он. – Сообщить тебе или еще кому-нибудь не было времени.

– Смельчак или безумец, как прикажешь тебя называть? – слегка раздраженным тоном осведомилась у Дейва женщина за столом; видно было, что она ценила его жизнь гораздо больше, чем эту его отчаянную вылазку на поле боя.

Она снова посмотрела на мальчика.

– Этан, – сказала она, – меня зовут Оливия Квинтеро. Так получилось, что я здесь главная. Во всяком случае, они так считают. Ну что ж, добро пожаловать в Пантер-Ридж.

Этан кивнул. В голове у него мелькнула мысль, что ему повезло, бывают места и похуже. Например, там, за стенами. Он внимательно посмотрел на Оливию Квинтеро, лицо которой излучало уверенность и спокойствие, нестигаемую волю и целеустремленность. Наверное, поэтому все считают ее здесь главной, подумал он. Она была довольно высокого роста, сухощавого телосложения, чему способствовали и скудные пайки в крепости. Но физически хорошо развита и крепка и так же себя держала; лицо под коротко стриженными седыми волосами, открывающими высокий лоб, выглядело бесстрастным – видно, что эта женщина прекрасно владеет собой. Ей, должно быть, где-то за пятьдесят, подумал Этан, заметив, что от своих испанских предков она унаследовала смуглую кожу. Лоб ее был прорезан морщинами, в уголках глаз морщины еще глубже, но во всех других отношениях больше ничто не выдавало ее возраста – можно сказать, что она очень хорошо сохранилась. Оливия была чем-то похожа на директрису школы – а возможно, и была ею до того, как все это случилось, – у которой с юных лет успел накопиться жизненный опыт, достаточный для того, чтобы можно было позволить себе относиться ко всему легко и спокойно и прекрасно разбираться в том, что в жизни хорошо, а что плохо. Не исключено даже, что она была директрисой средней школы Этана Гейнса, кто знает? А может быть, успешно занималась бизнесом. Родилась в бедной семье, занялась продажей недвижимости и нажила состояние. Продавала дома, которые выглядели как небольшие замки, еще до того, как возникла нужда в крепостях. Откуда он знал об этих замках, Этан не помнил, поэтому махнул на это рукой: все равно прошлое его темно, как беспросветная ночь.

Он чувствовал, что она тоже смотрит на него внимательным, изучающим взглядом. А что же она видела перед собой? Грязного мальчишку лет четырнадцати-пятнадцати с копной спутанных, падающих на лоб каштановых волос, лезущих ему в глаза – голубые, как утреннее небо на ранчо, которым она владела с ныне покойным мужем Винсентом милях в двадцати к востоку отсюда, в те времена, когда мир еще не сошел с ума. Она обратила внимание и на острый нос Этана, и на подбородок, а главное – на столь же острый, почти пронизывающий насквозь взгляд. И подумала, что этот мальчик не так-то прост и далеко не глуп, к тому же, должно быть, рожден под счастливой звездой, если сумел выжить, пройдя сквозь такие испы-

тания и хлебнув столько горя. Или же... *tal vez no tan afortunado*¹, потому что повезло больше тем, кто рано умер со всеми своими близкими и с воспоминаниями о том, какой Земля была прежде.

Но много думать об этом не стоит, это прямая дорожка в ад, и один только Бог знает, что пережили и как пострадали все, кто здесь выжил, и сколько им еще придется страдать в будущем. В крепости растет число самоубийств. И как можно остановить человека, если он хочет покинуть этот мир, когда кругом столько оружия...

Оливия понимала: худшее – это утрата надежды. Поэтому она не имела права позволить себе, чтобы кто-то узнал, как близка она и сама была к тому, чтобы темной ночью взять пистолет, приставить ствол к виску и соединиться со своим мужем там, где наверняка лучше, чем здесь.

Но обитателям Пантер-Риджа нужен был тот, кто может возглавить их, кто способен отдавать приказы, в силах упорядочить и организовать их жизнь, сказать им, что завтра настанет новый день, и ни разу не обнаружит перед ними ни страха, ни отчаяния. И она была таким человеком, хотя в глубине души сама не знала, сколько времени еще сможет продержаться и каков в этом смысл.

– А вы кого-нибудь убивали? – вдруг задал ей вопрос Этан.

– Что? – переспросила она; этот вопрос ее слегка испугал.

– Ну, там, в той комнате, где я сидел, убивали кого-нибудь? Я там видел следы когтей и дырки от пуль в стенке. И пятна крови, кажется... Я и подумал, что туда приводили людей, чтобы их убивать.

Дейв шагнул вперед и встал между Этаном и Оливией.

– Да, мы убивали там... кое-кого. Может, они когда-то и были людьми, но, когда мы их убивали, в них оставалось мало человеческого. Это было необходимо. А потом отскребали их кровь, насколько у нас получалось. Неужели ты ничего не понял?

– Я знаю, что есть горгонцы и сайферы. Знаю, что они воюют друг с другом. И рвут в клочья весь мир. И это все. Больше я ничего не помню.

– А ты не помнишь, откуда ты это знаешь? – спросила Оливия. – Так-таки ничего и не помнишь?

– Ничего.

Оливия бросила быстрый взгляд на Джона Дугласа. Тот вскинул седые брови и пожал плечами, мол, не знаю, что и сказать. Тогда она перевела взгляд на новоприбывшего.

– Не знаю, где ты там был и как остался жив, но, мне кажется, тебе нужно многое понять и усвоить. Гораздо больше, чем ты знаешь про сайферов и горгонцев. Но ты, наверное, проголодался. Надеюсь, ты не возражаешь против лошадиного мяса?

– Не возражаю.

– Мы здесь выживаем как можем. Как-то стараемся выкручиваться, без многого обходиться. Да-да, пришлось отказаться от многого. Но мы держимся.

«Зачем? – сразу же задала она вопрос самой себе. – На что мы надеемся? Разве что-то может изменить существующий ход событий?» Но сразу же отбросила эти вопросы. Она также не видела смысла упоминать о том, как порой по вечерам на разоренную землю приходит сущий ад.

– Дейв, отведи его в столовую. Накорми и подыщи ему местечко.

– Конечно, – хладнокровно отозвался Дейв. – Со счастливым прибавлением в нашем маленьком семействе.

– А сколько всего здесь у вас человек? – спросил Этан.

¹ Может, ему и не так повезло (*исп.*).

– По последним подсчетам, сто двенадцать. Иногда цифра меняется, день на день не приходится.

Этан перевел взгляд на лежащий на столе желтый листок бумаги. Видно было, что цифры записывались, вычеркивались и снова быстро, коряво, нервно писались чьей-то рукой.

– Это не про количество людей, – сказала Оливия, заметив интерес Этана. – Это про наше материальное состояние дел. Мы здесь уже почти два года. Запасы подходят к концу.

– Еда и вода? – спросил Этан.

– Еда в консервах и вода в бутылках, и того и другого осталось совсем немного. Поэтому и пришлось перейти на конину, а пить дождевую воду мы опасаемся. Таково наше положение, – закончила она.

«Плохо дело», – подумал Этан. Глаза собеседницы подсказывали ему, что эту общину ждет неминуемый конец. Она словно почувствовала, что Этан обо всем догадался, и снова перевела взгляд на Дейва.

– В общем, ты понял. Отвести, накормить. До скорой встречи, Этан.

Он кивнул, Дейв с Роджером вывели его из комнаты и закрыли за собой дверь.

Джон Дуглас остался, Кэти Мэттсон снова села на стул, а Гэри Руза разглядывал свой планшет, словно в желтой бумаге с циферками читал приговор. Оливия тоже села; она поняла, что доктор остался не просто так.

– В чем дело? – спросила она.

– Интересный молодой человек, – сказал Джей-Ди.

– Страшно представить, что он перенес. Но и другие не меньше. Пару дней назад к нам пришли несколько выживших, помнишь?

– Еще бы! Выжить там не так-то просто, но все-таки возможно, – хмурясь, сказал доктор. – Я, собственно, вот о чем... Жаль, что нет более-менее приличной лаборатории. Очень хочется как-нибудь поподробнее исследовать организм Этана.

– Зачем? – спросила она и испуганно поджала губы, – Ты думаешь, не исключено, что он...

– Нет, здесь я уверен, – перебил ее Джей-Ди, – он человек и совершенно чист. Но я также думаю – и прошу тебя, пусть мои слова не выйдут за пределы этой комнаты, – я просто уверен, что его организму нанесли такой вред, что... в общем, я просто не знаю, почему он вообще способен двигаться со всеми своими ушибами и кровоподтеками на теле. У него должны быть – во всяком случае, это мое мнение – какие-то серьезные повреждения внутренних органов. Скорее всего, это взрывная волна. Просто... очень странно, что он все еще...

– Живой? – подсказала Оливия.

– Ну да, – признался Джей-Ди. – Снаружи все выглядит так, будто он получил тяжелый удар в грудь. Такой удар, который мог привести к... – Он пожал плечами. – Но точно я сказать не могу, потому что у меня нет возможности обследовать его.

– Тогда делай то, что можно, – сказала Оливия, твердо глядя ему в глаза. – Понаблюдай за ним. Если окажется, что это представитель иного вида жизни... который способен пройти тест на соляной раствор... тогда мы должны узнать об этом как можно скорее. В общем, не спускай с него глаз, наблюдай, ты меня понял?

– Понял, – сказал Джей-Ди и двинулся к двери.

– И держи наготове оружие, – напомнила она и перевела все внимание на цифры сокращающихся запасов; следовало обдумать идею очередного сокращения рациона, которую предложили Кэти и Гэри, в прежней жизни бывшие бухгалтерами.

– Да уж, – тяжело вздохнул Джей-Ди и вышел из комнаты на чахленький солнечный свет.

Глава 3

Дейв и Джей-Ди сидели в помещении столовой, наблюдая, как мальчик уплетает тушеную конину. Пищу здесь принимали обычно в несколько смен, чтобы не очень обременять работой трех поваров, которые старались изо всех сил, чтобы готовить из имеющихся продуктов более-менее вкусно. Еда готовилась на свежем воздухе и на открытом огне, а потом ее вносили в помещение. За тщательно запираемыми дверями продовольственного склада ряды банок с консервами таяли на глазах, а вода, которая хранилась в больших бутылках, почти совсем кончилась. Сквозь два окна столовой с заклеенными крест-накрест полосками липкой бумаги сочился чахлый дневной свет. На свободных столах стояло несколько керосиновых ламп и свечных фонарей. Помещение выглядело мрачным, несмотря на то что на одной стене кто-то написал масляной ярко-красной краской: «Мы выживем». Автор лозунга, видно, краски не жалел и писал с яростной – или отчаянной – решимостью: красные ручейки тянулись от букв до самого пола, так же как и везде крытого линолеумом.

Мальчик поглощал пищу так, словно ест последний раз в жизни. Ему выдали еще и бумажный стаканчик с тремя глотками воды, присовокупив, что это все, воды больше не будет, так что обращайся с ней аккуратно. Впрочем, тушенку из конины он проглотил в один присест.

– Ну-ка сделай глубокий вдох, – попросил его Джон Дуглас.

Этан перестал вылизывать миску и послушно вдохнул.

– Легкие больше не болят?

– Немного, как будто трудно дышать. И вот здесь больно, – ответил Этан, коснувшись середины груди, и с помощью пальцев и языка продолжил поиски последних волокон мяса в миске.

– Думаю, и на спине тоже?

– Да, немножко.

– То-то и удивительно, что немножко.

Доктор потер чистый подбородок; в отличие от остальных мужчин здесь, он старался как можно чаще бриться и даже пользовался дезодорантом. Он был очень требователен к своей внешности и привычкам, совсем как юноша, хотя успел состариться еще в том мире, который безвозвратно ушел. Сейчас это было намного труднее, тем более что не совсем ясно, с какой стати держаться стольких прежних привычек, но он был человеком строгих правил и во всем ценил аккуратность, и это свойство помогало ощущать себя тем же самым человеком, каким он был когда-то. К тому же, вероятно, способствовало тому, что он оставался в здравом уме и продолжал испытывать вкус к жизни.

– Я ожидал, – продолжал он, – что после таких травм ты едва ли сможешь ходить, не то что бегать. Но с другой стороны, ты ведь человек молодой. По виду тебе не больше пятнадцати. Тем не менее...

Доктор помолчал, не в силах прийти к какому-нибудь окончательному выводу без тщательного обследования в настоящем больничном стационаре с лабораторией, и это его очень беспокоило. Хотя он не сомневался, что мальчик – обычный человек. Почти не сомневался. Во всяком случае, тест с соляным раствором дал положительный результат, кровь парнишки не вскипела, он не превратился в какое-нибудь ошметинившееся шипами чудовище или в огромного, кошмарного на вид паука, как это случалось во время предыдущих тестов, проводившихся с другими так называемыми людьми.

– Тем не менее, – прорычал Дейв, хотя ему совсем не хотелось сейчас рычать, – все, что ты нам рассказал, парень... даже не знаю... все это хрень собачья.

В прежней жизни Дейв Маккейн был каменщиком, а еще вышибалой в одном из баров Форт-Коллинса, где играли музыку в стиле кантри. И вообще был во всех отношениях крутой

мужик, всегда готовый ввязаться в любую разборку, где требуются мощный кулак и дурные манеры, да и за словом в карман не лез. Под ногтями у него всегда была траурная кайма, головы он не мыл практически никогда, грязь у него была везде, даже в складках и морщинах лица, а к своим обязанностям в этой крепости, последнем рубеже обороны, он относился очень и очень серьезно.

– Если тебе отшибло память, откуда ты знаешь про горгонцев и сайферов? Почему это не стерлось у тебя из башки?

Этан осторожно отпил из стакана глоточек. Взгляд Дейва он выдержал, глаз не отвел.

– Мне кажется, память я потерял, многого не помню, но что касается этого... я просто знаю, что у них друг с другом война.

– Тогда ты знаешь, как она началась? Ты это помнишь? Когда именно, с какого дня?

Этан сосредоточился, пытаясь вспомнить. Ничего не вышло, в голове было пусто. Он отпил еще воды и языком нащупал застрявший между зубами кусочек конины.

– Нет, этого я не помню, – признался мальчик.

– Третьего апреля, два года назад, – сказал Дейв.

Он сложил на столе руки, вспоминая, что в тот день они с женой и двумя сыновьями сидели и молились за таким же кухонным столом в маленьком домике, всего в нескольких милях отсюда, хотя теперь кажется, что это было где-то на другом краю света. Однажды утром, через пару месяцев после того, как он оказался здесь, Дейв оседлал серого в яблоках Пилигрима и выехал за пределы крепости один – может, решил испытать судьбу, а может, просто покончить с собой, пасть от руки пришельцев. Уже давно в этой местности между ними не происходило сражений, но вернуться сюда они могли в любой момент. Бои с переменным успехом шли где-то в других местах, решительного перевеса не обнаруживалось ни с той ни с другой стороны. Насколько ему было известно, та же картина наблюдалась по всей Земле.

Дейв направил Пилигрима туда, где лежал небольшой клочок земли, которым когда-то владели они вдвоем с Шерил, и добрался-таки, остановившись перед огромной воронкой, в которой валялись обгорелые останки их дома. Он увидел обломки того самого кухонного стола в глубине воронки, отвернулся, и его вырвало. Потом вскочил на лошадь и отправился в обратный путь. Вся семья его – и Шерил, и мальчики – погибла, и теперь единственным домом для него стал Пантер-Ридж. И... да, еще тогда он увидел в небе приближающийся воздушный корабль горгонцев, совсем близко скользящий в желтом небе, а это значило только одно: где-то поблизости притаились сайферские бойцы.

– Да, третьего апреля, – сказал Джей-Ди.

Он словно почувствовал, о чем думает его товарищ, и его тоже охватили воспоминания. Болезненно сжалось сердце; он было думал, что уже пережил эту боль и она никогда не вернется, но нет, ничего подобного. Боль оказалась бесконечна, она жила в душе каждого. Его жена умерла здесь, в собственной квартире, в марте, в возрасте тридцати двух лет. Умерла у него на глазах; он видел, как она постепенно теряет рассудок, зовет мать и отца, дрожит от страха, как ребенок, когда пришельцы совсем близко затевают новую битву и взрывы начинают сотрясать землю. Дебора утратила всякую надежду, отказалась от пищи и таяла, как свечка, не по дням, а по часам. Он пытался сам кормить ее с ложечки, делал для нее все, что мог, но она целыми днями лежала, глядя в заляпанный потолок, и видно было, что свет в глазах у нее померк и в душе не осталось ни капли прежней радости. В сгущающихся сумерках, при свете керосиновой лампы он сидел рядом с кроватью и держал ее за руку, а она глядела на него усталыми, помутившимися от слез глазами и время от времени умоляющим голосом задавала один и тот же вопрос: «Нас не убьют?» – так маленькая девочка испуганно обращается к отцу.

А он не знал, что ей ответить, хотя ответ был необходим. Но он так и не успел его дать... Вдруг он услышал, как с визгом и воем приближаются они, со страшным грохотом налетают на стены Пантер-Риджа, как раздаются первые винтовочные выстрелы и дробь пулеметов, а

когда снова посмотрел на Дебору, она уже покинула эту землю, не смогла вынести ужаса перед тем, что на ней происходит.

В эту минуту перед Джоном Дугласом встал выбор. Или взять в руки винтовку, или достать из кармана личный пистолет. Вся его жизнь зависела от того, что он сделает в следующие несколько минут, глядя на мертвую женщину, которую он любил больше жизни, которая родила ему и вырастила с ним двух дочерей и сына. Найдет ли он в себе силы отправиться к остальным и вступить вместе со всеми в бой или последует зову сердца и отправится вслед за Деборой в землю обетованную, где их ждет жизнь вечная, потому что эта жизнь превратилась в жуткий, жестокий кошмар.

Минуты тянулись медленно, каждая секунда острой иголкой впивалась в сознание. Но в конце концов он оставил спящую вечным сном Дебору одну, взял в руки и винтовку, и пистолет и отправился защищать крепость.

– Да, это было в тот день, – тихо сказал Джей-Ди. – Третьего апреля. Около десяти утра. Да-да, я точно помню это время. Было как раз восемнадцать минут одиннадцатого. Я сидел у себя в кабинете, что-то писал. Вдруг прибежала одна из моих медсестер и сказала, что по телевизору показывают что-то странное. По всем каналам, и Си-эн-эн, и «Фокс-ньюс», и Эм-эс-эн-би-си, и по местным тоже. По всему миру в небе раздаются страшные взрывы. Словно взрываются огненные метеориты, а из них выходят... да, вот эти корабли, горгонские корабли. Правда, тогда еще никто не называл их горгонцами. Это пришло позже. Но они возникали именно из этих разрывов, плавно так вылетали, а потом поднялись наши истребители, которых сразу уничтожали, и это длилось целую вечность... даже не помню, насколько долго.

– Два дня, – сказал Дейв.

Он щелкнул зажигалкой и закурил, даже не спрашивая позволения, потому что давно уже всем было наплевать, куришь ты или нет.

– Да, – продолжал он, – через два дня все было кончено. Ты, конечно, не помнишь день одиннадцатого сентября, – сказал он, обращаясь к Этану, – но это было как тысяча дней одиннадцатого сентября, один за другим без перерыва. Горгонцы покончили и с нашими Военно-воздушными силами, и с военным флотом, и с армией.

Он выпустил из ноздрей две струи дыма и стал похож на злобного дракона, только глаза его были пусты и казались мертвыми.

– То же самое творилось по всей Земле. Их корабли были неуязвимы. По крайней мере, для нас. Для любого обитателя Земли. Горгонцы ударили и по городам, правда не по всем. Был разрушен Нью-Йорк, за ним Атланта, Даллас и Лос-Анджелес... Москва, Токио, Берлин... Пекин. Это была демонстрация силы, как говорили шишки из Пентагона. Но шишки вдруг оказались не такими уж и шишками. Неожиданно для всех... все шишки вообще куда-то подевались.

Сквозь плывущую пелену дыма мужчина еще раз внимательно всмотрелся в лицо мальчишки:

– Ты и этого ничего не помнишь?

– Нет, – ответил Этан.

Если это и в самом деле происходило, подумал он, то все позади. Может, это и к лучшему.

– У них есть такие генераторы полей невидимости, – сказал Джей-Ди, – так это называют ученые. Поля позволяют им приближаться к нашей атмосфере совсем близко и входить в нее незаметно для нас. Вот с тех пор и прозвали их горгонцами, так это прозвище к ним и прилипло.

– А почему так называли?

– Какой-то тип из «Фокс-ньюс» предложил, – ответил Дейв. – Мол, они такие страшные, что стоит посмотреть, как сразу в камень превратишься. И еще появилась мысль... мол, горгонцы, наверное, так от нас отличаются... что если увидишь одного, то сразу сойдешь с ума.

Короче, словечко появилось и разлетелось по всем выпускам новостей, которые только панику нагнетали.

Джей-Ди помнил эти картинки охватившей весь мир паники. Люди бросились спасаться бегством, но куда им было бежать? Президент Соединенных Штатов Америки сначала призывал всех к спокойствию, а потом сам вдруг исчез, спрятавшись куда-то в «надежное место», как, впрочем, и остальные выборные чины из Вашингтона. Да и вообще, повсюду в мире так называемые лидеры нации бежали куда-то, бросив свои посты и обязанности. Общественный порядок рухнул, полицейские формирования оказались не в состоянии справиться с хаосом. Сети телевизионного и радиовещания держались сколько могли. А через двое суток после того, как первый документально подтвержденный корабль горгонцев появился из огненного чрева, было снято любительское видео; на нем видно, как в воздухе возникает черный вихрь, а в нем открываются порталы, из которых появляются огромные, лоснящиеся, напоминающие летучих мышей фигуры, которые стали почему-то называть кораблями сайферов.

– Загадка, – сказал Джей-Ди, словно разговаривая сам с собой. – Непостижимо.

Он заморгал, возвращаясь к окружающей в данный момент реальности.

– Сайферы, – сказал он, глядя на Этана, – появлялись из неких черных дыр в небе. А потом... эти две силы затеяли войну друг с другом. Люди для них были слишком ничтожны. Как букашки, которых можно давить ногой... или забавляться с ними, – прибавил он. – Вот друг для друга они – достойные враги. Вскоре после того, как появились сайферы, по всей Земле стали отключаться электроэнергетические системы. Вышки сотовой связи прекратили работу. Спутники связи, думаю, были уничтожены. Скорее всего, это дело сайферов, чтобы умолкла пустая болтовня в эфире. А может, очередная демонстрация силы.

Этан допил жалкие остатки воды. Ему все еще хотелось пить, но что делать, спасибо и на этом. Главное, впитывать в себя информацию, а впитывать было много чего, и он старался.

Дейв какое-то время молча курил сигарету. Потом тоже заговорил:

– Я знал одного человека, который слушал радиопередачу, уже из последних.

Он помолчал, разглядывая тлеющий кончик сигареты, потом подул на него, чтобы разгорелся.

– Там между собой рассуждали, – продолжил он, – какие-то ученые и военные. Обменивались мнениями и мыслями по поводу того, что происходит. Они говорили, что эти две цивилизации... или как их там... что между ними вроде как вечно идет война. И воюют они между собой, возможно, из-за нашей Земли, а может, и нет, потому что...

– Это граница, – сказал Этан и услышал собственные слова как бы со стороны.

Дейв и Джей-Ди молча и с оживленным интересом уставились на Этана.

– Граница, – повторил Этан. – Которая проходит между ними. Между их мирами, вселенными, измерениями... не знаю, как это назвать... откуда они явились. Через нашу Землю как раз проходит линия границы между ними, и они дерутся из-за нее.

Он вдруг понял, а поняв, чуть даже не испугался: все, что он сейчас говорил, – правда, и сам он в этом нисколько не сомневался.

– Они будут воевать, пока один не уничтожит другого. А это может никогда не случиться, потому что...

Этан вдруг почувствовал, как в груди его поднимается страх; ему казалось, что он сейчас словно куда-то уплывает от самого себя, в какие-то неизведанные области. Он быстро сделал глубокий вдох, до боли в легких, и сразу успокоился.

– Они сейчас... – Он замолчал, подыскивая нужное слово. – У них сейчас гонка вооружений.

Повисло долгое молчание; двое взрослых мужчин смотрели во все глаза на мальчишку, взявшего себе имя, которым называлась школа.

Первым заговорил Джей-Ди. Заговорил осторожно и несколько сдавленным голосом:

– Послушай... скажи-ка нам... откуда ты это знаешь, если, как ты говоришь, ничего больше не помнишь? Тебе кто-то сказал об этом? Может, кто-нибудь из твоих родителей?

– Нет, – ответил Этан.

Его бросило в жар, он даже вспотел – словно ему стало неудобно ощущать себя в собственной коже. Сильно болели кости, так, будто это зубная боль.

– Я не знаю, кто мне сказал об этом. Просто...

Он заглянул в глаза озадаченного доктора. Собственные глаза подростка горели лихорадочным огнем.

– Просто я знаю, что это правда. Через наш мир проходит линия границы между их мирами, и им не нужна наша Земля. Они воюют только за эту расположенную в пространстве линию...

Дейв и Джей-Ди переглянулись, и Этан сразу понял невысказанный вопрос в их глазах: «Ты веришь в то, что только что услышал?»

– Я очень устал, – сказал Этан. – Можно, я где-нибудь немного посплю?

Понадобилось несколько секунд, чтобы зачарованные словами Этана люди сбросили чары. Дейв прокашлялся.

– Конечно, – сказал он. – Здесь у нас полно пустых комнат.

Он не стал упоминать, что большинство этих комнат были заняты теми, кто со временем потерял надежду на лучшее и покончил с собой. На кладбище, расположенном позади третьего здания, находились десятки могил с деревянными крестами, выкрашенными белой краской. Иногда целые семьи предпочитали распрощаться с жизнью, и кто может их осудить? Среди уцелевших в Пантер-Ридже было двое священников, один пресвитерианский и еще одна женщина – священник методистской церкви, и они продолжали делать свое дело, проводили религиозные службы, читали проповеди, но не всегда голос Христа, заглушаемый отдаленными взрывами и воплями воинов ночной армии, доходил до сердец.

Всего этого, решил Дейв, Этану сейчас знать необязательно. Они не являются сюда каждую ночь, но если придут сегодня... мальчишка узнает об этом скоро.

– Ладно, пошли, – сказал Дейв и, зажав в зубах окурок, встал. – Пошли подыщем тебе местечко. Принесу ведро песка, отскребешь им с себя хоть немного грязи.

Тратить воду на мытье было бы непомерной роскошью. И пока он не станет рассказывать Этану ничего про тварей, которых они убивали – лучше сказать, истребляли – в Секретной части, что порой сжигали живьем тех, которые внешне казались обычными людьми, но на самом деле были сущими демонами.

Кобуру со своим «узи» он почти никогда не снимал, а если снимал, то оружие всегда оставалось под рукой. И теперь оно лежало перед ним на столе. Он надел кобуру, и они втроем с Джей-Ди и мальчишкой вышли из столовой и отправились искать комнату, где на полу, на стенах или на мебели не нашлось бы кровавых пятен.

Глава 4

Этан.

Он вдруг проснулся. Ему показалось, что кто-то позвал его по имени, которое он сам для себя выбрал, чтобы хоть как-то обрести собственное лицо. Позвал негромко, спокойно. Но вполне отчетливо, чтобы он открыл глаза в темной комнате, куда его определили, и прислушался.

Впрочем, в комнате под номером 246 было не очень темно. Тускло горели язычки двух свечных фонарей. Стены были обшиты листами дешевого гипсокартона коричневого цвета, на полу лежал коврик цвета спелой пшеницы. На одной из стен висело украшение из металлических синих и серебристых квадратов. Видимо, чья-то художественная фантазия, подумал Этан. Он сел на кровати, подложив под спину подушки. Очень хотелось есть и пить, нервы были натянуты. Сейчас на нем была темно-зеленая пижама, доставшаяся, видимо, от уже умершего человека. Кости все еще болели, кровоподтеки от собравшейся в них крови, казалось, тянут к земле. Этан хотел снова лечь и уснуть, забыться тихим и мирным сном, но ему не спалось, что-то сверлило сознание... что-то очень важное... он никак не мог понять, что именно.

Теперь ему казалось, что он – пустой сосуд, жаждущий, чтобы его кто-нибудь наполнил. Но чем? Какими-то сведениями? Воспоминаниями? До того как он очнулся и побежал под дождем через то поле, память не хранила ничего. Дождь, подумал он. Вода. Очень хочется пить. Он понимал, что воды осталось совсем мало, она выдается строго по норме, и люди здесь не желают пить дождевую воду, потому что в ней содержатся какие-то химикаты или даже яды. Они едят конину, но лошади питаются травой, а трава орошается дождем. Выходит, они все равно поглощают химикаты дождевой воды. Он догадывался, что даже если прокипятить дождевую воду – этого окажется недостаточно, чтобы полностью ее обезопасить. Однако запасы чистой воды у них подходят к концу, а когда она совсем кончится, им в любом случае придется пить дождевую воду.

Этан понимал, почему люди боятся снова попасть в гущу битвы между горгонцами и сайферами, но чего еще они боятся, что еще заставляет их прятаться за этими каменными стенами и дрожать от страха?

Этан понятия не имел, как долго он спал. Джей-Ди принес ему пижаму, еще кое-какую одежку, две пары джинсов с заплатанными коленями и парочку футболок, серую и темно-красную с логотипом группы «Блэк дистройер» в виде сжатого кулака, группы, песен которой он никогда не слышал... или просто не помнил, что слышал. Он взял ведро с песком, пошел в облицованную желтой плиткой ванную и кое-как соскреб с себя засохшую грязь. При свете фонаря рассмотрел свои ушибы в зеркало. Грудь от плеча до плеча была черная. Этан повернулся к зеркалу спиной и, едва не свернув шею, увидел на спине примерно ту же картину. Жуткие кровоподтеки. Он подумал, что, может быть, это к лучшему, если он ничего не помнит о том, как он их получил, потому что, наверное, это было очень больно.

«Очень хочется пить», – снова подумал он.

Но в кранах ни на кухне, ни в ванной не оказалось ни капли воды, да и унитаз был сух. Дейв объяснил ему, что свои дела он должен справлять в ведро, в котором ему принесли песок. Чтобы добыть хоть немного воды, надо идти в столовую, где выдают отмеренную порцию еды и питья, а столовая, по словам Дейва, после вечернего приема пищи крепко запирается и охраняется вооруженными людьми.

Этан поймал себя на том, что внимательно разглядывает синие и серебристые квадраты на стене напротив кровати.

Ему вдруг представилось, что они тают и стекают вниз струйками чистой и свежей, прохладной воды, образуя лужу на полу.

Он все продолжал смотреть, а синие и серебристые квадраты, казалось, мерцающая и переливаясь, сливаются в единый, сверкающий на солнце бассейн.

«Бассейн, – подумал он. – Тут должно быть что-то такое... связанное с бассейном».

Но что именно, он не знал. Плавательный бассейн пуст, если не считать мусора, обломков садовой мебели и грязной лужицы дождевой воды в дальнем углу.

И все же... его не покидало настойчивое желание немедленно отправиться к этому бассейну, где он, возможно, поймет, что подталкивает его туда. Этан встал, надел футболку с логотипом, кроссовки и вышел в коридор, ведущий к бетонной лестнице. На полпути вниз по ступенькам он заметил на горизонте какие-то синие вспышки: то ли сверкала молния, то ли продолжались бесконечные сражения. Он дошел до автомобильной стоянки и по извилистой дороге направился к бассейну.

В Пантер-Ридже стояла полная тишина. Ночь была теплая и душная, чувствовалось приближение дождя. Окна в некоторых помещениях светились, там тихо мерцали язычки пламени керосиновых ламп или свечек, и Этан убедился, что он не один сейчас бодрствует. Огни горели и на сторожевых башнях: вооруженные пулеметами часовые несли службу круглосуточно. На площадке стоянки он увидел сидящих вокруг горящих ламп людей, их было шестеро. Взявшись за руки и склонив головы, они молились. Этан не стал задерживаться. Прошел мимо какого-то человека с волосами до плеч, без рубашки и босиком, в одних только джинсах; тот сидел на тротуаре, уткнувшись подбородком в колени.

– Ночью они нагрянут, – сказал он, увидев Этана. – Но меня не сожрут. Нет уж, не сожрут... подавятся.

Он взял лежащий рядом с ним пистолет и, оскалившись, приложил ствол к виску. В оскале было безумие. Этан двинулся дальше.

Совсем скоро он приблизился к плавательному бассейну, окруженному декоративной железной оградой с воротами. Большая часть ограды повалилась, ржавея от непрерывных, разъедающих железо дождей. Калитка была распахнута и висела на одной петле. Мелькнула мысль, что и жизнь многих обитателей здесь тоже висит, как эта калитка, на одной петле. Мальчик подошел к краю бассейна и заглянул в него, но увидел то же самое, что мельком видел и раньше: обломки сломанных стульев, еще какой-то мусор в самом дальнем углу, в луже воды глубиной в несколько дюймов. Выщербленная табличка гласила: «Глубина – 5 футов, нырять запрещается».

И больше ничего.

«Ничего здесь нет», – подумал он.

Хотя...

«...что-то же должно быть».

В памяти всплыли образы синих и серебристых квадратов: вот они сливаются и, сверкая, превращаются в чистую воду.

Этан спустился по ступенькам в бассейн. Покрывающая дно синяя краска потемнела, потрескалась и стала шелушиться, обнажая серый бетон. Дно имело едва заметный уклон. По прямой линии, проходящей посередине бассейна, Этан прошел дальше, в более глубокую его часть. Под грязной дождевой водой глубиной дюйма четыре кроссовками нащупал дренажную трубу.

«Ну и что здесь такое?» – задал он себе вопрос.

«Ничего», – последовал ответ.

По растревоженной его кроссовками воде прочь от него поплыл мусор.

Он пошлепал вокруг дренажной трубы – ему вдруг показалось, что именно это сейчас нужно сделать. «Да есть здесь что-нибудь, наконец, или нет? – думал он. – Чувствуется какое-то глубокое, скрытое движение... как и там, на стене, когда синие квадраты слились с серебристыми...» Этан еще немного постоял, пытаясь почувствовать нечто такое, чего он и сам не

знал, и, снова шагая посередине, двинулся обратно, в ту сторону, где глубина бассейна была меньше. У него появилось отчетливое ощущение, что нечто невидимое совсем близко, и все-таки...

– Какого черта ты здесь делаешь? – вдруг раздался над ним резкий голос.

Этан посмотрел направо. У бассейна стоял Дейв Маккейн с «узи» на боку, ствол которого смотрел куда-то к востоку, в сторону от мальчика.

– Я слышал, как хлопнула твоя дверь, – сказал Дейв. – Я ведь живу совсем рядом. Что ты тут делаешь? Воду добываешь?

– Нет, сэр, – ответил Этан, глядя в лицо Дейва. Внешний вид мужчины свидетельствовал, что нынче он еще не ложился: одежда на нем была та же, что и днем, и вдобавок бейсболка. – Просто вышел прогуляться.

– Что ты мне тут лапшу на уши вешаешь?

Этан подумал, что лучше всего сказать правду. Как он сам ее понимает.

– Я просто почувствовал, что мне обязательно надо сюда прийти.

– Да? Решил искупаться посреди ночи?

– Нет, сэр. Просто очень тянуло сюда, вот и все.

– С чего бы это вдруг? Пить захотелось?

– Не в этом дело... – помотал головой Этан. – Мне, конечно, очень хочется пить, но Оливия сказала, что дождевую воду пить нельзя. Поэтому вы пьете только воду из бутылей.

Он вспомнил про комнату, в которую его посадили вначале, про обследование, которому его подвергли. Вспомнил о том, что сказал доктор Джон Дуглас: «Мы хотим убедиться в том, полностью ты человек или нет». Этан все понимал, но ему хотелось услышать, что скажет Дейв.

– Вы считаете, что дождевая вода ядовита, так? И все из-за этих пришельцев? – Он поднял голову и посмотрел туда, где по небу метались синие всполохи. – Как она действует на людей? Превращает их в существ, которых вы убиваете?

– Мы этого еще не знаем, – ответил Дейв. – Мы не знаем, зачем какие-то твари приходят сюда в человеческом обличье. Может быть, прежде они были людьми, а те, – он мотнул головой в ту сторону, где на горизонте вспыхивало небо, – конструируют из них всяких чудищ. Думают, люди для них игрушки. В общем, ни черта мы пока еще не знаем.

– Но ведь это еще не все, да?

– Да, – ответил Дейв. – Не все.

– Расскажите.

– Для начала вылезай оттуда.

Дейв опустил ствол автомата и отошел на несколько шагов. Этан поднялся по ступенькам.

– Ну так что еще? – напомнил он о своей просьбе.

– По ночам к нам приходят серые люди.

– Серые люди, – повторил Этан.

Он помолчал. Ему очень не понравилось, как звучат эти два слова – ни в устах Дейва, ни в его собственных.

– А кто они такие? – задал он следующий вопрос.

– Мутанты. – Дейв любил говорить прямо, как оно есть, и не собирался нарушать это правило. – Некоторые мутировали очень... сильно и теперь совсем на людей не похожи. Причин мы не знаем. Может, что-то в атмосфере, или дело в дожде, а может, болезнь какая... которую занесли эти. Серые люди приходят по ночам. Не каждую ночь, конечно, но когда появляются, стараются прорваться к нам... а для нас это может плохо кончиться. Мы считаем... Джей-Ди так считает... что кожа у них не переносит солнечного света. Или еще что-то у них такое... в общем, днем они прячутся. Как я уже сказал, точно мы этого не знаем и еще никого не встречали, кто бы это знал.

В голове Этана теснилась масса вопросов, и каждый норовил выскочить первым.

– А почему их зовут серыми людьми? – начал он с этого.

– Потому что они и вправду серые. Что-то в этом роде. Потеряли натуральный цвет кожи и мышц. Не знаю, кто первый их так назвал, но им очень подходит. Они стали приходить месяца три назад. Поначалу всего несколько. А потом все больше и больше. Лично я думаю, у них есть какой-то локатор или просто некое чувство, черт его знает, которое собирает их в кучу... а может, по запаху чувствуют друг друга. – Дейв болезненно улыбнулся. – У нас осталось совсем мало боеприпасов. Ну что, ты рад, что попал в нашу веселую компанию?

– В любом случае это лучше, чем оставаться там.

– Ага. В общем, серые на нас нападают, потому что питаются мясом. Своих мертвых они тоже куда-то утаскивают – такое впечатление, что они поедают трупы. И тогда на какое-то время успокаиваются.

Этан кивнул.

– Но я не серый и не мутант, – заметил он. – Зачем тогда вы закрыли меня в той комнате, где убиваете... тварей?

– Мы отвели тебя в охраняемую комнату потому, что к нам то и дело являются... назовем их «непрощенные гости». Смотришь – вроде люди как люди. Может, когда-то и в самом деле были людьми или все еще думают, что они люди... но теперь они иная форма жизни. Джей-Ди, кстати, считает, да и Оливия тоже, что пришельцы их специально отлавливали для каких-то своих экспериментов. А потом отпустили. Они у пришельцев как бомбы замедленного действия, мне так кажется. Короче, мы выявили, что они очень своеобразно реагируют на соляной раствор. Тут у нас был еще один врач. В прошлом декабре он убил и жену, и сына и сам покончил с собой. Так вот, это он придумал вводить в кровь какой-нибудь препарат, чтобы проверять тех, кто к нам прибывает. Слава богу, что ему пришла в голову эта идея, иначе впустили бы сюда каких-нибудь чудовищ и узнали бы об этом слишком поздно.

– А дождь, – спросил Этан, – неужели вы думаете, что это из-за него люди превращаются в серых? Разве было такое, что кто-нибудь здесь превратился в серого?

– Да, было. Сначала кожа покрывается серыми пятнами, такого пепельного оттенка. Эти пятна растут довольно быстро... а потом начинается что-то происходить с костями. В первый раз это была женщина, и мы постоянно за ней наблюдали. Пришлось даже посадить на цепь... жестоко, конечно, но тут ничего не поделаешь.

Дейв помолчал, мрачно глядя на мальчика, и продолжил:

– Через пару дней, когда ее совсем уже перекутило и изуродовало, у нее стала расти еще одна голова – сплошная пасть с маленькими, острыми, как иголки, зубками. И тогда ее отец не выдержал и просто пристрелил ее. Дочке было всего двенадцать лет.

– Да-а, – протянул Этан, хотя, может быть, ему показалось.

– Потом было еще четверо, – продолжал Дейв. – За ними приходилось приглядывать, пока не стало совсем худо. Наверное, атмосфера была отравлена. Дождь иногда выпадает такой... грязно-коричневый или желтый, как моча, но мы до сих пор не знаем, от этого происходит мутация или нет. Никто ни в чем не уверен. Но именно поэтому мы пьем только воду из наших запасов. Лошадей держим под навесами, но они все равно часто попадают под дождь, а ведь мы питаемся кониной, да и крыши у нас худые, дождь просачивается даже сквозь стены... в общем, укрыться от него невозможно. Доктор считает, что действие проявляется не сразу, на это нужно время, а может быть, это еще зависит от химического состава организма каждого человека. – Он пожал плечами. – И что теперь делать? – спросил он и сам на него ответил: – Умирать, так или иначе. Просто... неизвестно, долго ли захочется это терпеть.

– А вы лично почему терпите? – Этан бросил выразительный взгляд на его автомат.

Дейв поднял перед собой «узи» и демонстративно осмотрел его, словно в первый раз видел эту смертоносную штуку. И снова опустил.

– Хороший вопрос, – одобрительно кивнул он. – Я знавал здесь у нас многих, кто решил не ждать. Кто понял, что, выбирая между горгонцами, сайферами, серыми и просто безнадегой, лучше всего плюнуть на все и уйти.

Он помолчал, обдумывая ответ.

– Мне кажется, – наконец сказал он, – я еще не готов. Может, завтра буду готов, кто его знает. Это зависит...

«...от того, куда ветер подует», хотел он сказать, но не успел: неожиданно помешала яркая вспышка выстрела с восточной сторожевой башни.

И через несколько секунд где-то на территории комплекса раздался вой сирены.

– Ну, тебе повезло, парень, – приглушенным, слегка сдавленным голосом проговорил Дейв. – Сегодня ты их увидишь.

Дейв вскочил и бросился к стене, а из домов уже выбегали люди с пистолетами и винтовками в руках, одетые кое-как, в то, что под руку попало. Этан услышал какие-то звуки: это приближались серые люди.

Сначала звуки доносились издалека, странные, словно приглушенная, нестройная музыка, которая постепенно становилась все громче. Этан и раньше успел заметить, что на стене, в нескольких футах под витками колючей проволоки, проложены деревянные подмости, и теперь защитники Пантер-Риджа, подставив лестницы, карабкались туда. Небо осветила еще одна красная вспышка, на этот раз над южной башней, и Этан понял, что серые атакуют с двух сторон.

Теперь пора увидеть все своими глазами. Этан побежал к ближайшей приставной лестнице у стены. Но едва добрался до нее, как прямо перед ним появилась высокая худощавая женщина с коротко стриженными седыми волосами и полезла по лестнице первой. Еще внизу она задержалась и, оглянувшись, посмотрела ему в лицо. Это была Оливия Квинтеро; в одной руке она держала винтовку, а на поясе джинсов у нее висела кобура с пистолетом. Она успела надеть блузку в стиле «вестерн» с вышитыми по плечам васильками.

– Убирайся отсюда! – крикнула она, сверкая потемневшими дочерна карими глазами. – Живо!

И полезла дальше вверх, не дожидаясь ответа и не оглядываясь, чтобы проверить, послушается он ее или нет. Этан пропустил перед собой еще одного человека с винтовкой. А потом полез к подмостям и сам, потому что просто обязан был видеть все своими глазами.

Пронзительный вопль ударил ему в лицо, как встречная волна. Этан уже достиг высоты, где каменная стена была вровень с грудью. Сквозь мотки колючей проволоки он увидел, что за стенами крепости шевелится земля. Сколько их там? Сотни? Или еще больше? Они карабкаются вверх по склону холма, подбираясь к бастиону. С южной сторожевой башни пустили белую осветительную ракету. Шипя, она медленно опускалась, и в ее свете Этан увидел, что на некоторых атакующих еще остаются обрывки одежды, но многие совершенно голы; у одних кости скелетов облеплены отвратительными кусками свисающей желеобразной плоти, у других пепельно-серые тела покрыты чешуйками, а у третьих серая плоть ошетичилась колючками или покрыта панцирем из костяных пластин. Жуткий страх охватил Этана, болезненно засосало под ложечкой. Среди них были и мускулистые твари с плоским черепом и горбом на спине, они действовали как тараны. Были и двуногие, с ногами толстыми, как древесные стволы, и едва ковыляющие на желеобразных конечностях, и ползущие по земле у них под ногами, словно полуразложившиеся крабы.

В передних рядах этой волны нечеловеческих уродов двигались прыгающие твари с панцирем на спине и когтистыми крючьями вместо рук. Вцепляясь ими в стену, они карабкались вверх, к колючей проволоке. Застыв от страха, Этан увидел, как одно из этих чудищ подняло голову и раскрыло рот на серой узкоглазой морде с провалившимся носом, обнажив острые, как у пилы, зубы. Но тут раздалась пулеметная очередь, размозжив эту страшную харю, и тело

твари, дергаясь, повисло на когтях, вонзившихся в застывший цемент между камнями, всего в нескольких футах от витков колючей проволоки.

Следом за этой очередью защитники открыли огонь из винтовок, револьверов, автоматов и пулеметов. Плотный град пуль рвал тела серых на части, но атака не ослабевала, сокрушительные волны мутантов продолжали накатывать на стену крепости Пантер-Ридж. Один из них ударил в обитую железом дверь с такой силой, что под ногами Этана заходили мостки. Из щелей между камнями вылетели струйки пыли. Почти все, кто мог, перенесли огонь на эту тварь внизу; чудовище ударило в ворота еще раз, но уже с меньшей силой; еще несколько удачных выстрелов – и с ним было покончено.

В белом свете очередной ракеты перед Этаном волновалось целое море уродов, зловещих тварей, которые некогда были людьми. Здесь были мужчины, женщины и дети, превращенные в шипящих и визжащих чудовищ либо какой-то болезнью пришельцев, либо ядовитым дождем. Он видел и горбатые фигуры с жадными глазами, почти скелеты, обтянутые серой, тонкой, как бумага, плотью, они были похожи на...

Да-да, на анатомические куклы.

И он вспомнил.

Он вспомнил, как сам делал модель анатомической куклы с кожей из прозрачного пластика, сквозь который видны внутренние органы, вены и артерии человека. Где он ее купил? В «Уолмарте»? Нет, на «Амазоне». Он вспомнил, как сидел за письменным столом в своей комнате... в каком-то доме... при свете настольной лампы с зеленым абажуром... пластмассовые органы разложены в том порядке, в каком он хотел их раскрасить... аккуратно, потому что весь комплект анатомических органов должен быть без единой ошибки... это его школьное задание, проект... вспомнил и женщину, входящую в комнату... темноволосую... она что-то говорит...

– Назад! – заорала женщина, стоящая рядом с ним.

И он увидел, как покрытая чешуей тощая уродина с черными ввалившимися глазами на одной голове и с белыми, незрячими на второй, не больше грейпфрута, на тоненькой, как ножка гриба, шейке вскарабкалась почти вплотную к проволоке и тянет руку к его горлу. Оливия Квинтеро оттолкнула его в сторону и выстрелила прямо в висок первой головы; пуля вышибла из нее мозги, а вторая головка затряслась и заскрипела острыми детскими зубками; уродина соскользнула и провалилась вниз.

Оливия одарила ее таким взглядом, от которого могло бы треснуть зеркало, дослала очередной патрон и снова выстрелила в массу серых тел, которые неумоимо лезли вверх по стене, цепляясь за нее острыми, как пики, пальцами на руках и ногах. Некоторым удалось добраться до проволоки, и они тянули сквозь нее руки, надеясь успеть цапнуть что-нибудь, до чего достанут пальцы, прежде чем их сожгут выстрелы. Вдруг слева от Этана прыгнула серая, похожая на лягушку фигура с выпученными глазами и длинными, как у женщины, иссиня-черными волосами и, приземлившись прямо в колючую проволоку, придавила ее своим телом. Следом за ней показалась еще одна тварь, по виду мужского пола, четверорукая – две руки нормального размера и две коротенькие, растущие прямо из грудной клетки, которыми она яростно принялась отрывать от стены колючую проволоку. Дейв Маккейн дал автоматную очередь прямо чудищу в морду, но, как только окровавленная тварь упала, на месте ее возникли еще две: одна тощая, как жердь, пепельно-серое тело покрыто короткими острыми шипами, а другая огромная и толстая, как бегемот, с уродливой, похожей на молот головой, страшной мордой с разинутой пастью, полной острых зубов, и черными бусинками глаз.

Из омерзительной пасти молотоголового раздался страшный, нечеловеческий рев. Чудовище прорвалось сквозь колючую проволоку и вылезло на подмости. Всего в нескольких футах от Этана оно вцепилось колючими пальцами в плечи молодого человека, который успел выстрелить ему в грудь, но жадная пасть уже рвала с головы юноши куски мяса. Пока в эту тварь из всех стволов летели пули, она еще шире разинула пасть, заглотила голову молодого человека и

резким движением оторвала ее. И только бурный поток свинца заставил чудище покачнуться; оно перевалилось через колючую проволоку и полетело вниз, а обезглавленное тело юноши шмякнулось о землю с другой стороны стены.

Но другие монстры все быстрее карабкались вверх. Они рвали колючую проволоку, получали пули и падали обратно, а вместо них лезли новые.

Патроны кончались, все чаще затворы шелкали впустую. Дрожащими пальцами защитники пытались нащупать патроны в патронташах и сумках, в карманах и ящиках для боеприпасов. Некоторые из них прихватили с собой топоры, и теперь им пришлось взяться за это оружие. Началась кровавая рубка.

Сердце Этана сжалось от страха. Твари, лишь отдаленно смахивающие на людей, словно выходцы из самых жутких кошмаров, срывали колючую проволоку и ступали на верх стены. Автомат Дейва Маккейна, стрелявший не переставая, вдруг умолк, а он, как безумный, хлопал себя по карманам, ища запасные магазины с патронами. Оливия Квинтеро продолжала стрелять, пытаясь сбить со стены темный паучий силуэт. Но вот и ее винтовка умолкла; вставляя очередную обойму, женщина чуть не подверглась нападению тощей твари с длинными седыми волосами, желеобразной плотью и зубастым акульим оскалом. Оливия ударила гадину прикладом в живот и следом выстрелила ей в голову – та пошатнулась, закружилась на месте и с отвратительным визгом полетела вниз. Пот ручьями бежал по лицу Оливии – пот, вызванный страхом и физической усталостью. Она выхватила пистолет, прицелилась и принялась не торопясь, методично стрелять в безостановочно лезущих вверх врагов.

А Этан продолжал наблюдать.

Нет, их слишком много. Нынче ночью люди потерпят поражение, падет их последний оплот. Все еще стреляли пулеметы на сторожевых башнях, били и пистолеты, и винтовки на стене, но было понятно, что патроны скоро закончатся и винтовки превратятся в простые дубинки. Он видел десятки лезущих на стену врагов и еще десятки толпящихся внизу – целая армия злобных чудовищ, их было так много, что, казалось, шевелится сама земля.

Их надо как-то сбросить со стен, подумал Этан. Стряхнуть вниз по склону холма, чтобы сама земля поглотила их. Но какая сила способна на такое?

В шуме стрельбы, криков и воплей – это женщина неподалеку отчаянно отстреливалась от нападавших – ему вдруг пришла в голову мысль, что он обязательно должен сейчас прижать ладони к камням стены и тем самым словно прикоснуться к лежащей за стеной земле. Слепить из нее нечто, придать ей нужную форму. А потом представить себя ее господином и повелеть ей сделать то, что по его желанию должно случиться.

Четкий и ясный внутренний голос говорил, что сейчас это именно то, что надо, как и тогда, когда велел ему спуститься в пустой бассейн. «Просто коснись камней стены, – звучало в голове, и он слышал собственный голос, но гораздо более твердый и уверенный. – Просто коснись этих булыжников и представь себе...

...как сотрясается земля».

«Но я ведь просто мальчишка! – подумал он. – Я не умею! У меня не получится!»

Однако стоило Этану подумать об этом, как он понял, что серые уже перелезают через стену, за ними ползут вверх другие, а патроны кончаются и времени осталось совсем мало, еще чуть-чуть – и все защитники будут мертвы.

«Землетрясение», – подумал он.

«У тебя все получится», – прозвучал в голове голос. Это был его собственный голос, хотя немного другой. Возможно, более возмужалый. Голос человека, который знает кое-что такое, что самому Этану еще неизвестно, что узнать он еще боится. Страх почти парализовал его. Он стоял без движения и ждал конца.

«У тебя получится, – повторил голос. – Слушай, что я тебе говорю. Попробуй. И сделай это немедленно, пока еще не поздно».

Он понятия не имел, как это делается, но понял главное: от него ждут действий. Конечно, все это кажется ему сущим безумием, но он должен попробовать.

Этан прижал ладони к камням стены. Выглянув, увидел полчища штурмующих врагов. Сделал глубокий и долгий вдох – легкие его все еще побаливали, – а когда выдохнул, живо представил себе картину: склон холма движется, как змеиная кожа, и он всем своим существом сосредоточился на этом. Прошла секунда, еще одна и еще, но ничего не происходило, слышалось лишь, как тщетно щелкают пистолеты с пустыми магазинами, дико вопят и визжат упорно карабкающиеся по стене серые да хлопают топоры по их уродливой плоти... Ничего не вышло... ничего. Он уже хотел оторвать ладони от камня и приготовиться к неминуемой смерти, как вдруг почувствовал, как из глубин его существа поднялась волна жара: ошеломительная, она, казалось, обожгла всего его изнутри... Еще это походило на пронизавший его мощный поток электричества, подпаливший кончики ушей и затрещавший в волосах. А может быть, вовсе не то и не другое, а поразительное ощущение твердой веры, что он сможет это сделать, если захочет спасти и себя, и всех остальных. И сразу же, находясь в самой гуще неистового, яростного боя, Этан ощутил, как в самых глубинах, таинственных и непостижимых глубинах его сущности поднимается грозная сила.словно яростный смерч, эта сила вырвалась из него и устремилась к земле, будто обладая отныне собственной волей.

Земля застонала, как старик, пробуждающийся от долгого и беспокойного сна. Вот старик потянулся, заворочался и содрогнулся, и в то же мгновение вся верхушка холма сдвинулась в сторону.

Сдвиг оказался довольно жестким. Дорогу перерезали глубокие трещины, за спиной Этана в домах зазвенели вылетевшие из окон стекла. А сами дома затрещали деревянными балками; потеряв опору, рушились и летели вниз балконы. Стены крепости сотряслись, сбросили с себя нескольких атакующих и засыпали пылью и осколками морды тех, кто оставался внизу. Многие защитники пали на колени, кое-кто вообще полетел с подмостей вниз. Этан тоже опустился на колени, но тут же, не отрывая ладоней от стены, кое-как поднялся. Ему сейчас казалось, что он неотделим от самой земли, что это он управляет ее судорогами, передавая свою волю через камень, входящий в ее состав, при этом сердце его билось с такой силой, что он закусил нижнюю губу и из нее брызнула кровь. Одна из сторожевых башен рухнула, но пулеметчик успел спрыгнуть и остался жив. Холм снова содрогнулся, на этот раз еще сильнее, и теперь гораздо большему числу серых не удалось удержаться: эти уроды, как горох, посыпались со стены, шмякаясь на землю и друг на друга.

За вторым последовал третий толчок, самый сильный. Стена потрескалась, от нее стали отваливаться тяжелые камни – они падали с таким грохотом, что казалось, это взрываются гранаты. Из окон зданий со звоном вылетали последние стекла. Вся территория Пантер-Риджа словно сдвинулась, что сопровождалось грохотом лопающихся и разлетающихся на куски вековых горных пород. По земле, по склону холма с оглушительным треском побежали расселины. Они достигали двух и трех футов в ширину, серые спотыкались и проваливались в них. Трещины смыкались вновь, размалывая уродливые тела не успевших выбраться, сокрушая их зарезанные прищельцами кости, и многие оставались погребенными под землей. Из этих могил вверх тянулись когтистые лапы, тщетно хватаясь за воздух, и в конце концов неподвижно застывали.

Этого удара земли, сопровождаемого еще несколькими, более слабыми встрясками, оказалось достаточно, чтобы у серых пробудился инстинкт самосохранения. Оставшиеся в живых развернулись и бросились вниз по склону, многие тащили с собой мертвые тела погибших товарищей, чтобы потом можно было насладиться их сочным мясом. Явились они с воинственными воплями, но уходили молча; казалось, им стало стыдно за свое поражение. Кое-кто оглядывался поверх покрытых шипами плеч, и взгляды их обещали почти то же, что было начертано на стене одного из домов Пантер-Риджа: «Завтра наступит новая ночь».

Скоро они превратились в бесформенную массу силуэтов, неуклюжих и спотыкающихся на бегу на фоне ночного пейзажа. Достигнув подножия холма, серые уже через минуту скрылись из виду.

Толчки земли прекратились.

Этан оторвал ладони от стены. Он выполнил свою задачу, какой бы невероятной она ни казалась. Ладони его горели. Он тяжело дышал, покрывшись холодным потом, был потрясен и перепуган до смерти; он плохо понимал, что происходит, но чувствовал в себе колоссальную силу, которая сейчас уходила обратно в таинственные глубины его сущности и там успокаивалась. И он снова становился всего лишь мальчишкой, который когда-то хотел собрать офигенную анатомическую куклу.

Глава 5

– Семеро погибло, двенадцать раненых, – сказал Джон Дуглас в желтом свете лампы. – У шести переломы. Джейн Петерсен тяжело ранена, вряд ли выживет. И мне кажется, надо как можно скорее убрать тело Митча Вандервера, как вы считаете?

– Да, – устало глядя на него, отозвалась Оливия.

Под глазами у нее обозначились темные круги. Она сидела у себя в квартире за письменным столом, перед ней лежали проклятые блокноты желтой линованной бумаги и несколько шариковых ручек в черном кожаном футляре. Из нижнего ящика стола она достала предмет, что на пятидесятилетие четыре года назад ей в шутку подарил Винсент: волшебный шар «Магическая восьмерка», наполненный черными чернилами, с плавающим в них двадцатигранником. Она поставила его на стол перед собой как предмет, напоминающий ей о прошлом, переживший вместе с нею так много ужасов и потрясений. Глядя на этот шар, она вспоминала о Винсенте, об их совместной жизни, которая теперь казалась ей какой-то волшебной грезой: то было время, исполненное непрерывной радости. Вспоминая его сейчас, она уже плохо верила, что все это действительно было. А этот магический шар говорил ей о том, что прошлое не ушло безвозвратно. Вот он перед ней, этот кусочек прошлого. *La parte más pequeña*². Принимая серьезные решения, она никогда не прибегала к его помощи, но иногда... иногда... ей казалось, что, может быть, стоило это сделать, представив, что это будто бы сам Винсент пытается с ней говорить, дает ей полезный совет или ободряет ее начинание, словно глядя на нее из черноты неизведанного.

– Я очень любила Джейн, – сказала Оливия отрешенно, как бы со стороны слушая свой голос. – Добрая была женщина. Да-да, я согласна, тело Митча надо убрать. Я хочу поручить это дело тебе, ты не против? – обратилась она к Дейву Маккейну, который, растянувшись во весь рост на драном диване, глядел в потрескавшийся потолок.

От серии невероятных толчков земли старые здания едва устояли. Некоторые лестничные пролеты обвалились, разрушилась восточная стена, вылетели почти все стекла, а те, что остались, держались лишь благодаря полоскам липкой бумаги. В нескольких домах во многих местах провалилась крыша. В своем жилище Дейв обнаружил десятки трещин. И считал, что все здание вообще скоро рухнет, – это лишь вопрос времени. Пол у него в спальне так вздыбился, что ходить по нему было все равно что шагать по палубе корабля, накренившегося под опасным углом от удара игривой волны во время шторма.

– Сделаю, – равнодушно отозвался он.

Рубашка и брюки Джей-Ди были забрызганы кровью. Больница находилась в нижнем здании и представляла собой две совмещенные квартиры с убранными перегородками. Персонал был укомплектован двумя медсестрами, одна из которых когда-то работала в Форт-Коллинсе помощницей ветеринара, а другая еще в молодости, лет тридцать назад, – ассистенткой зубного врача в городе Бойсе, штат Айдахо. Скудные запасы медицинских средств состояли из бинтов разных размеров, антисептика, гипсовых повязок и гипса для изготовления слепков, имелись деревянные накладки, необходимые при переломах, кое-что из хирургических инструментов, например щупы, хирургические щипцы, кое-что из зубоврачебных орудий и несколько бутылок обезболивающего, такого как димедрол и викодин.

– Надо еще раз пересчитать оставшиеся патроны, – сказала Оливия. – А также выяснить, у кого сколько осталось, – добавила она.

² Крохотная часть (исп.).

Она очень старалась говорить твердым, уверенным голосом. В комнате, кроме Дейва и Джей-Ди, находились еще трое, которые в каком-то смысле тоже являлись ответственными лицами общества и вели учет продовольствия и боеприпасов.

– У меня пять рожков, – отозвался Дейв. – По тридцать два патрона в каждом. Закончатся – и мне конец.

Он переменял положение, сел на диване и снял бейсболку. На лице обозначились глубокие морщины, в глазах – растерянность и смятение.

– Еще одну такую атаку мы не переживем. Этих тварей слишком много. Если бы не эти толчки... они бы не отступили. Вряд ли мы их отбили бы.

– Землетрясение, – подхватила Кармен Ниега, тоненькая испанка, которая прежде была адвокатом по делам налогообложения в Денвере; она жила здесь чуть меньше четырех месяцев, прибыв вместе с полудюжиной других скитальцев. – Здесь раньше случалось что-то подобное?

– Никогда, – сказала Оливия.

Она повернула голову к двери, распахнутой настежь: сильно покосилась дверная коробка и дверь теперь не закрывалась. На пороге стоял, заглядывая внутрь, Этан Гейнс. За его спиной сквозь густую пелену низких туч пробивались первые желтые лучи сырого рассвета.

– С тобой все в порядке? – спросила она мальчика.

Он кивнул. Лицо его было мертвенно-бледно, скальная пыль покрывала волосы и одежду, придавая им белесый оттенок.

– Я же приказала тебе оттуда уйти, – сказала она и посмотрела на доктора. – Джон, мне кажется, у него шок. Будь так добр...

– Нет-нет, со мной все в порядке, – опередил доктора Этан.

Он неуверенно вошел в комнату, потому как понял, что он и в самом деле несколько сбит с толку.

– Я хотел вам кое-что рассказать, – продолжил мальчик. – Всем вам.

Он замолчал, пытаясь поточнее сформулировать то, чем собирался поделиться.

– Ну что ты там хотел рассказать? – подтолкнул его Дейв.

К нему снова вернулась прежняя суровость; он смертельно устал, а ему еще следовало заняться погребением павших, в том числе хоронить обезглавленное тело хорошего парня, который смешно рассказывал анекдоты и неплохо играл в покер с ним и другими.

– Мне кажется... – продолжал Этан, – землетрясение вызвал я. – Он нахмурился и добавил: – Нет, не кажется... я знаю, что это сделал я.

Минуту все молча смотрели на него. Первым заговорил Джей-Ди.

– Этан, – тихо сказал он, – пойдем-ка со мной в больницу, я тебя уложу в кровать, и ты отдохнешь, а я тебе дам немного водички и седатив...

– Я же сказал... землетрясение вызвал я, – повторил Этан.

– Ну конечно ты, кто же еще! – Дейв надел кепку и погладил бороду. – Да-да, большую работу проделал. Разогнал всех серых, да. А еще почти разрушил наши дома, весь комплекс... но ничего страшного, я совершенно не против того, чтобы спать в комнате, пол в которой вот-вот провалится. Если, конечно, раньше потолок на меня не рухнет. Что с тобой, детка? Совсем уже чокнулся на почве потери памяти?

– Прекрати, Дейв, – сделала ему замечание Оливия и встала. – Этан, я советую тебе отправиться с доктором. Будь добр...

– Никуда я не пойду, – отказался Этан.

Он вошел в помещение, неторопливо, но таким твердым шагом и с таким решительным выражением лица, что Кармен Ниега, Рус Уитком и Джоэл Шустер попятнулись, освобождая ему место. Он прошел мимо Джей-Ди и вплотную подошел к столу Оливии. В тусклом свете лампы синие глаза его, казалось, сияют так яростно и ярко, что Оливия почти испугалась.

– Да говорю же вам... Я понял, что надо только приложить ладони к стене и... не знаю точно, как объяснить... но... я будто видел, что должно случиться, в своем воображении. Как будто я посылал приказ, а земля послушно его исполняла. То, что я видел в воображении. Только... получилось сильнее, чем я думал. Вы меня понимаете?

– Нет, Этан... не понимаем. Это просто случилось само собой, вот и все. Почему так совпало, я не знаю. В общем, нам всем очень повезло. Но землетрясение вызвал не ты. А теперь, я очень тебя прошу, отправляйся в больницу. Успокойся, отдохни там как следует. Если сможешь.

Джей-Ди что-то проворчал. Какой там отдых с ранеными, которым нужна неустанная забота... Тем не менее можно будет дать мальчику лишнюю порцию драгоценной водички, а еще пару таблеточек снотворного, часов двенадцать – и он точно отдохнет и выспится.

– Эй... послушайте! – раздался голос.

В дверях стояла Китт Фалькенберг. Она была высокого роста, сухощавого телосложения, лет тридцати, с белокурыми грязными волосами; некогда она была звездой волейбольной команды Колорадского университета. Говорила она громко, задыхаясь от волнения.

– Мне рассказал об этом Томми Корделл, а потом я и своими глазами увидела! Плавательный бассейн! От толчков он треснул пополам как раз посередине! Но только... он сейчас наполняется водой!

– Что-о? – Дейв вскочил на ноги.

– Бассейн, – повторила Китт, глядя на него светящимися на фоне размазанной по лицу грязи глазами. – Из этой трещины бьет вода и наполняет бассейн! Пошли скорее! Вы должны это видеть!

Всего за несколько минут они спустились по склону к бассейну. Оливия шла впереди. Джей-Ди замыкал шествие, Этан шагал рядом с ним. Вокруг бассейна уже собралось человек сорок. В желтоватом свете приближающегося рассвета Оливия пробилась сквозь толпу, а за ней и Дейв. И они убедились, что Китт не врала: прямо посередине бассейна проходила неровная трещина от дренажной трубы до противоположной стороны, где глубина поменьше, и из нее струилась вода. Здесь, в мелкой части бассейна, стоял человек, он наклонялся, окунал ладонь в воду, и она булькала. Они узнали в нем Пола Эдсона, в прежней жизни он играл в джазовом оркестре на саксофоне, но музыкантом был так себе.

– Холодная, – сказал Пол, зачерпнул воду в ладони, попробовал. – Боже мой! – воскликнул он. – Да это же настоящая ключевая вода!

Остальные тоже полезли в бассейн – всем хотелось потрогать и попробовать воду. Спустилась и Оливия, зачерпнула и наполнила рот. Потом поискала глазами Дейва.

– Сколько здесь жили и не знали, что под бассейном родник! – задыхаясь, как и Китт, проговорила она. – Все это время не знали... про чистую воду.

Тут она вспомнила о том, что она здесь главная, выпрямилась и принялась распоряжаться:

– Так, слушайте все! Тащите сюда бутылки, ведра, все, что под руку попадется, бегом! Поторопитесь! И всем, кого встретите, говорите, чтобы бежали сюда!

Дважды повторять не пришлось. Можно было бы не торопиться, подземная вода прибывала быстро, но следовало позаботиться о том, чтобы уберечь ее от очередного ядовитого дождя. Оливия сообразила, что бассейн нужно чем-то накрыть; она поискала глазами Дейва, чтобы сказать ему об этом, но тот уже отошел от края бассейна.

Дейв стоял в нескольких футах справа от Этана и пристально смотрел на мальчишку. Он вдруг вспомнил слова Этана, когда тот мерил шагами дно бассейна: «Просто меня очень тянуло сюда, вот и все». Дейв понял, что трещина в бассейне прошла в точности там, где шагал мальчик, как раз по его следу.

С тяжело набрякшими веками Этан наблюдал, как вода заполняет бассейн. Он очень устал, страшно хотелось спать. «Может, и вправду так действует состояние шока?» – думал он. Вокруг сустились люди, каждый торопился наполнить бутылки и ведра водой, и тут вдруг мальчик заметил стоящего неподалеку и не сводящего с него пристальных глаз Дейва Маккейна. Тот смотрел с таким видом, будто впервые видит Этана.

– В чем дело? – спросил мальчик.

– Ни в чем, просто смотрю, – ответил Дейв.

– На что?

– Сам еще не понял, – ответил Дейв, и это была сушая правда.

Он отвернулся и поплелся в свое разбитое жилище за бутылками. Ему еще предстояло организовать похороны Митча и остальных погибших.

Джон Дуглас решил, что пора наконец отвести явно потрясенного последними событиями мальчика в больницу, дать ему успокоительного и уложить спать, а потом вместе с медсестрами заняться переломами и другими травмами раненых. Утречко будет тяжелое... но, с другой стороны, когда ему было легче?

Оливия вышла из бассейна и попросила двоих мужчин устроить над ним навес от дождя. Но при этом она не могла не думать и о тающих запасах продовольствия и боеприпасов, и о поврежденных стенах крепости, и об увеличивающихся ордах серых людей. Даже с неограниченными запасами воды защитникам Пантер-Риджа долго не продержаться. Она подняла голову и посмотрела на мутно-желтые тучи в утреннем небе. Где-то там, по всей необъятной, разоренной земле идет страшная война между сайферами и горгонцами. И скорее всего, война эта никогда не кончится, думала она. Во всяком случае, ни она сама, ни кто-либо из защитников Пантер-Риджа конца этой войны не увидят.

– Ну хорошо, – сказала она себе.

Ее ждет много дел, призывают обязанности. В это туманное желтое утро она сумела выстоять, не сломалась. В бассейне появилось обилие свежей воды. Просто чудо какое-то, разве не так? Маленькое море надежды, которое с каждой минутой становится все глубже.

– Ну хорошо, – повторила она, потому что эти слова правильные, они придают сил.

И сама пошла за бутылками, которые можно наполнить этой поистине чудесной жидкостью.

Наряд во главе с Дейвом Маккейном похоронил мертвых; Дейв думал, что все давно привыкли к такой работе, но разве можно привыкнуть к похоронам тех, которых хорошо знаешь? Дейв усердно махал лопатой, ни с кем из своей команды не заговаривал и, только когда свежие могилы были засыпаны землей, закурил и направился к бассейну, чтобы выкурить сигарету в тишине и понаблюдать, как бьет из-под земли ключ. Слушать звук журчащей воды было приятно – так журчит бегущий в тиши леса ручей. У него осталось всего шесть сигарет, да и зажигалка была почти пуста. «Плевать, зато избавлюсь от вредной привычки, – думал он, – давно пора». В тучах над головой эхом отозвался глухой раскат грома. А может быть, это одна из воюющих сторон нанесла по противнику новый удар.

Этан спал крепким сном в темной палате больницы, приняв две капсулы залеплона. В соседнем помещении трудились Джон Дуглас и две его помощницы, оказывая помощь раненым. Утро было в самом разгаре. Разрушенную сторожевую башню быстро восстановили, восточную стену отремонтировали, и работники переместились на другие поврежденные участки стены, закрывая проломы камнями с раствором цемента. Размазанным по небу тусклым пятном над ними висело солнце. Около полудня стал брызгать мелкий дождичек, но к тому времени успели сколотить деревянную раму и натянуть над поверхностью пруда, продолжавшего наполняться свежей водой, брезентовый полотно.

Вернувшись домой, Дейв Маккейн окинул взглядом искореженные трубы и свисающие с покрытого трещинами потолка над кроватью в спальне мертвые провода. Ступая по искрив-

ленному полу, он подошел к шкафу и достал спальный мешок. Скинул обувь, снял бейсболку, раскатал мешок по дивану и забрался внутрь. Но не заснул, а еще целый час ворочался и думал.

Родился он в бедной крестьянской семье, его родители – трезвые, богобоязненные фермеры, хотя и дьявола не чурались, и гордились тем, что они настоящие труженики. Много лет он тоже трудился на родных пшеничных и соевых полях. Когда третьего апреля в одиннадцатом часу утра впервые появились горгонцы, он позвонил отцу с матерью в штат Айова, на ферму, расположенную под Сидар-Рapidсом, и сообщил, что они с женой Шерил и мальчиками приедут на пару дней переждать, пока все утрясется, добавив, что все будет хорошо, что это не конец света, – конечно, все это дико и чертовски страшно, но военные не зря едят свой хлеб и быстро наведут порядок.

Потом по телевизору показали, как разлетаются на куски, горят и падают, как осенние листочки, обломки самолетов, как взрываются ракеты, врезааясь в невидимое силовое поле вражеских кораблей, как президент из Овального кабинета призывает сохранять спокойствие... а потом и он, и все его правительство куда-то подевались без следа. По всему миру перепуганные насмерть толпы народу искали своих правителей и вождей, но никого из них не было на месте. Полиция и военные разбежались кто куда, всем надо было прежде всего прятать и защищать свои семьи и искать способы, как выжить. А потом прибыли и корабли сайферов, и тут же у всех умолкли мобильники, перестала работать проводная связь, интернет, телевидение, радио, а также отключилось электричество.

До города Сидар-Рapidс Дейв с женой и сыновьями так и не добрались. Как, впрочем, и до дома родителей Шерил, живущих к югу от Колорадо-Спрингс, и не узнали, что с ними, а также с ее сестрой, живущей в Сан-Франциско. Все произошло очень быстро, как во сне. Был вечер, они укладывали вещи перед отъездом при свечах и в лучах фонариков на батарейках; Дейв нес через гостиную пару чемоданов, чтобы погрузить их в домик на колесах, прицепленный к грузовичку. И вдруг увидел, что весь его дом полон – да что там полон, если они, как мерцающие призраки, проходили даже сквозь стены, – безликих, одетых во все черное солдат, оружие которых росло прямо из их же собственных тел. Шерил с Майком и Стивеном были где-то в глубине дома, и Дейв заорал, чтобы они немедленно бежали к машине, а сам бросил чемоданы и кинулся к стоящему рядом с раскрытой дверью ружью, как вдруг по окнам пробежали синие вспышки. Он до сих пор помнит этот оглушительный взрыв, потом на спину обрушился чей-то тяжелый сапог, и он словно провалился в черную пропасть... все падал, падал и падал в этот бездонный провал, и ему казалось, что он переходит в какой-то иной мир. А когда очнулся, то увидел, что лежит на земле рядом со своим сожженным дотла домиком на колесах, одежда на нем дымится, дом пылает, от грузовичка осталась одна воронка, а деревья вокруг превратились в жуткие, горящие синим пламенем факелы.

Он попытался встать, но его всего трясло, нервы разгулялись, он совершенно не владел собой. Из носа шла кровь, она сочилась и из глазных впадин. Цепляясь пальцами за землю, он пополз, выкрикивая имена жены и сыновей. А высоко над головой, над его корчившимся от боли телом летели какие-то непонятные объекты, оставляя за собой горящие синие и красные хвосты, которые можно было бы назвать красивыми, глядя, какие петли они выписывают на фоне черного неба.

Как долго Дейв валялся возле своего дома, пока не стих пожар, он и сам не знал. Потом пополз до воронки и нашел там дочерна обгоревшие тела. В сумеречном свете он сидел рядом с трупами среди дымящихся остатков разбитой машины, пытаясь вспомнить, куда дел ключи от домика на колесах, и сообразить, как поменять расплавленные шины, когда снова пришли вояки-сайферы, призрачные и бессловесные, непонятно зачем и с какой целью. Двое из них, проходя мимо воронки, бросили на него взгляд, хотя трудно тут говорить о взгляде, просто на долю секунды повернули к нему, а потом к воронке безликие головы в шлемах. Но задерживаться не стали, он был для них ничто, ноль без палочки в своих обгоревших лохмотьях, с

покрытым коркой крови носом, окровавленными, полубезумными глазами и отвисшей челюстью, с которой капала слюна.

На чаше весов этой войны он был пустое место.

Дейв помнил, о чем подумал тогда: пора двигаться. Пора вставать и идти, если он еще может ходить. Он посмотрел на красивые часы на руке, которые ему подарила Шерил на десятилетие свадьбы, увидел, что стекла на циферблате нет, а стрелки застыли на двадцати семи минутах десятого, и это чуть не лишило его остатков разума. Но какое-то внутреннее чувство, видимо, продолжало подгонять его, потому что следующее, что он помнил, – как в темноте он ковыляет куда-то по дороге; наверное, это была уже не первая такая ночь, наполненная стелющимся над землей дымом горящих деревьев, домов и полей. Сквозь дым иногда пробивались лучи светящихся автомобильных фар, все машины были битком набиты до смерти напуганными людьми и проносились мимо него в нескольких дюймах, едва не задевая. Он продолжал идти, шагал неизвестно куда, просто куда глаза глядят, возможно, даже кричал, бессвязно выкрикивал фразы о наступившем конце света, потому что помраченным умом он искренне в это верил.

Дорога в конце концов привела Дейва сюда, в Пантер-Ридж, жилой комплекс, превратившийся в крепость, и хотя каждый день он говорил себе, что надо взять с собой провизии, оседлать лошадь и отправиться в Сидар-Рэпидс, чтобы узнать, остались ли живы отец и мать, но в глубине души был уверен, что они погибли и поездка туда окажется лишь мучительным путешествием через суший ад. Он прикинул, что на это ему понадобится не менее двух ночей, а именно по ночам серые выходят на поиски свежего мяса. Или же можно оказаться между двух огней в схватке пришельцев, и он непременно погибнет, сгорит, как сгорели Шерил, Майк и Стивен, и черный пепел его развеет ветер.

Значит ли это, что в душе он трус? Эта мысль не давала ему покоя. Что, несмотря на все свои драки в баре, на свою славу забияки и драчуна, на свое показное ухарство, в душе он лишь слабая тень того крутого, которого из себя строил?

Ведь если честно... ему было очень страшно. Он был до смерти перепуган происходящим. А здесь его друзья. Здесь он приносит людям пользу. И здесь, Дейв нисколько в этом не сомневался, он и умрет, когда придет его час. Погибнет от бесчисленных полчищ серых, минувшей ночью штурмовавших крепость, и его смерть – лишь вопрос пяти магазинов автомата, которые он быстро расстреляет. И тогда для него все будет кончено. Когда это произойдет? Нынче ночью? Или следующей? Или через неделю? Этого знать не дано, но это случится скоро. А когда ему придет конец, то, скорее всего, придет конец и остальным, ведь спустя совсем немного времени, даже несмотря на этот фокус с землетрясением, голод выгонит монстров искать свежее человеческое мясо.

Дейв лежал в спальном мешке на диване и жалел о том, что у него не осталось ни капли виски, – последнюю бутылку он прикончил еще месяц назад. Сон все никак не приходил. Он не мог избавиться от одной мысли, которая распадалась на две части.

Во-первых, это слова Этана, сказанные с горячей убежденностью: «Я посылал приказ, а земля послушно его исполняла».

А во-вторых, не давала покоя мысль о трещине в бассейне, подарившей им свежую воду и образовавшейся как раз там, где прошел этот мальчишка.

И теперь больше нет нужды беспокоиться о питье, отмерять ее, считая каждый глоток. Конечно, проблем еще оставалось много, но воды у них вдоволь...

«Я посылал приказ, а земля послушно его исполняла» – вот что он сказал.

А ведь только один Дейв знал о том, что этот мальчишка расхаживал по бассейну как раз в этом месте, он это видел своими глазами, а когда задал парню прямой вопрос, тот ответил: «Я просто почувствовал, что мне обязательно надо сюда прийти».

Простое утверждение. Но... нет, это еще не все. Далеко не все. У Дейва на этот счет были собственные соображения; он вдруг шустро вылез из спального мешка, надел ботинки и кепку. Он ведь своими глазами видел, как фигуры воинов в черных шлемах скользят сквозь стены его дома, видел, как чудовища, которые некогда были богобоязненными, трудолюбивыми американскими гражданами, бросаются на колючую проволоку, чтобы отведать человеческого мяса, видел яркие, сияющие шлейфы за боевыми кораблями пришельцев в ночном небе. И теперь понял, что вещи, которые он прежде не мог представить себе даже в самых буйных фантазиях, на самом деле бывают, да что там, они есть, и во веки веков ничто в этом мире сплошных кошмаров нельзя считать невозможным.

Дейв быстро вышел из дома и решительно направился вниз, к больнице; у него накопились кое-какие вопросы к этому странному, загадочному парнишке.

Глава 6

Даже в цитадели глубокого сна Этан не чувствовал себя в безопасности.

Он снова стоял на самом верху стены и смотрел, как по склону идут в атаку толпы гниющих, отвратительных уродов. И справа, и слева непрерывно гремели выстрелы, чудища валились на землю, но, казалось, меньше их не становится. Серые подбегали к стене и, цепляясь за камни, вонзая острые когти в щели между ними, быстро карабкались вверх, полные решимости, подгоняемые мучительным голодом. Вот они уже перелезают через колючую проволоку, некоторые приминают ее витки своими тяжелыми тушами, чтобы другие тоже могли перелезть, те с безумной яростью прорываются сквозь нее, чтобы только добраться до человечинки.

Еще немного – и стены будут полностью захвачены. У защитников кончаются патроны, винтовки и пистолеты у многих молчат. Некоторые уже попали в когтистые лапы чудовищ, были разорваны на куски острыми как бритвы зубами, другие в ужасе прыгают с подмостей на землю и спасаются бегством, пытаясь найти безопасное укрытие. Этан попятился перед монстрами, покрытыми острыми шипами, ползущими через колючую проволоку прямо к нему. Он едва не потерял равновесие, стоя на самом краю площадки, когда чья-то пепельно-серая лапа прорвалась сквозь витки проволоки и схватила его за горло. Этан увидел перед собой тонкое тело человека-змеи, чудище протиснулось сквозь проволоку и с невероятной силой потянуло его к себе. Желтоглазая рожа, усеянная серыми бородавками и чешуей и увенчанная копной черных волос, пристально смотрела прямо ему в глаза, а тонкие губы раскрылись, обнажая острые и кое-где сломанные о человечески кости зубы.

Чудовище разинуло пасть. Сверкнули клыки.

И вдруг дребезжащим шепотом монстр заговорил.

– Иди к Белой Обители, – сказал он.

И тут прямо в висок ему попала пуля, из отверстия хлынула черная кровь. Желтые глаза чудовища от неожиданности удивленно и негодуя заморгали. Когтистая рука отпустила горло Этана, и тварь повалилась назад, на проволоку, оставляя на ее колючках клочки серой плоти.

– Этан! Этан!

Кто-то тряс его за плечо. Мальчик вздрогнул и, еще пребывая во мраке, понял, что пробуждается от глубокого сна. Открыв глаза, Этан увидел светлый язычок пламени – это горела стоящая рядом на столике керосиновая лампа. Сквозь задернутые на окнах шторы сочился скудный дневной свет. За окном шел дождь, капли стучали по разбитому стеклу, закрытому изнутри стироловым пенопластом. В нескольких местах с потолка капала вода. Этан не знал, долго ли он спал на узенькой койке в маленькой больничной комнатухе. Рядом с койкой кто-то сидел на стуле. Этан увидел изборожденное морщинами лицо с орлиным носом. И узнал Дейва Маккейна. Бейсболку мужчина снял, и многочисленные вихры торчали в разные стороны. От него пахло мокрой псиной.

– Джей-Ди разрешил мне зайти к тебе, – тихо сказал Дейв, оглянувшись на почти всегда закрытую дверь, отделяющую эту комнатку от остальной части больницы. – Сказал, что ты отдохнул и вполне оклемался.

Этан сел на кровати. Тело до сих пор болело, да и соображал он еще довольно туго. Но в голове, словно эхо, продолжали звучать слова «Белая Обитель».

– Да, все нормально. Чувствую себя гораздо лучше, – кивнул он.

Дейв покряхтел. По сморщенной физиономии видно было, что ему отчаянно хочется курить или промочить горло глоточком виски, но курить в больнице доктор запрещал, а последняя бутылка виски вспоминалась как золотой сон.

– Мне надо кое о чем тебя порасспросить, – сказал он.

Голос его звучал сурово, но вместе с тем в нем чувствовались просящие нотки. Он помолчал, разглядывая костяшки своих пальцев. На бейсболке, которую он повесил на спинку стула, блестели капельки дождя. Когда Дейв шел от своего дома до больницы, капли дождя падали ему на лицо и казались маслянистыми и горячими, а он думал, сколько дождь может содержать разных ядов, занесенных на Землю пришельцами.

– Пожалуйста, – сказал Этан, чувствуя, что собеседник не знает, с чего начать.

– Ну да, – продолжил Дейв. – Значит, так. Помнишь, ты говорил, что землетрясение – твоих рук дело? Но как такое возможно? То есть... ты ведь простой мальчишка, правильно? Ну... в общем, человек. Верно я говорю?

– Мне кажется, вы в этом тоже не сомневаетесь. Вы же не прихватили с собой автомат.

– Хорошо, предположим, я верю, что ты человек. А не какая-нибудь тварь, которая только внешне не отличается от человека. Получившаяся в результате каких-то проклятых опытов, которыми занимались сайферы или горгонцы. Но... если действительно землетрясение вызвал ты, то скажи, как ты это сделал?

– Вообще-то, я и сам не очень хорошо это представляю, – сказал Этан.

В голове у него все вертелись эти два слова: «Белая Обитель». Он попытался отбросить их, но они не хотели «отбрасываться», напротив, становились все назойливее.

– Я просто захотел, чтобы это случилось. Приложил руки к стене. Захотел, чтобы земля стряхнула с себя серых. Вот и все, больше я ничего такого не делал.

– Говоришь, приложил руки к стене? И просто взял и подумал, чтобы по твоему хотению это произошло, и так и случилось?

– Да.

– Угу... Тогда ладно. А ну-ка сделай так, чтобы моя кепка слетела со стула и наделась мне на голову.

Этан едва сдержал смех: каменное лицо Дейва ясно говорило о том, что он нисколько не шутит.

– Хотите, чтобы я показал фокус, что ли? Вряд ли у меня получится.

– Почему? Ты ведь сумел, черт побери, вызвать землетрясение! Одной только мыслью, ты сам об этом сказал, разве не так? А теперь не можешь мыслью сдвинуть с места легонькую бейсболку?

– Но я должен захотеть это сделать... как... потому что другого выхода не было. Я сам не знаю, как у меня получилось. Я просто понял... тогда... в ту самую минуту... что должен попытаться, потому что не хотел погибать. И не хотел, чтобы погибали другие. Я должен был сделать то, что мог... сделать все, что мог. И вот... из меня вышла эта сила. Я сам это чувствовал. А потом, когда все кончилось, она вернулась обратно, вошла и уснула... я это тоже чувствовал.

– Что такое ты чувствовал? Что это из тебя вышло, а потом вернулось? – саркастически проговорил Дейв.

– Я же сказал... какая-то сила. Больше ничего не могу сказать.

– Сила, значит, – с еще большей издевкой проговорил Дейв. – Ну хорошо. Пятнадцатилетний щенок способен одной мыслью вызвать землетрясение, а сдвинуть с места вот эту кепочку не может. А ты можешь сейчас подняться в воздух над кроватью? Или увидеть будущее? Может, скажешь, когда этот ад, в котором мы все живем, закончится и мы снова станем счастливы?

– Нет, – ответил Этан; свет керосиновой лампы бросал тени на его лицо. – Нет, – повторил он, – не могу.

Дейв потер лоб. Прислушался к шуму падающих за окном капель дождя. Потом пристально посмотрел мальчику в глаза.

– А ты знал, что под бассейном есть родник? – спросил он.

– Нет.

– Тогда что ты там делал? Зачем туда шлялся?

– Просто пришло в голову, что я должен туда пойти.

– Может, тебе кто-то приказал? Кто-то с тобой говорил об этом? Так?

– Я не знаю... – Этан пожал плечами.

– Почему не знаешь? – едва не выкрикнул Дейв, но огромным усилием воли сдержался. – Нет, лучше скажи... что ты вообще, черт бы тебя побрал, знаешь? Ни своего настоящего имени, ни откуда ты родом, ни где твои родичи. Просто так взял и «проснулся», и побежал... – или ты этого не говорил? И вдруг ни с того ни с сего оказывается, что ты можешь вызывать землетрясения, можешь пройти по дну бассейна, а он возьми и тресни как раз там, где ты прошел, а из трещины потекла чистенькая водичка. Просто потому, что тебе показалось, что ты должен туда пойти и это сделать?

Дейв оскалился, как безумный, но за его яростью скрывалось отчаянное чувство бессилия.

– Боже мой! – продолжал он. – Ну ладно, ты нашел нам воду! А как насчет пожрать? Да и патрончиков тоже не помешало бы. Все это нам позарез нужно, потому что еще одна такая атака – и всем нам крышка. Так что давай, Этан, наколдуй нам побольше боеприпасов! Ты способен для нас это сделать? Если нет... нам просто конец. Усвоил?

Этан нахмурился. Он прекрасно понимал всю серьезность того, о чем говорит ему Дейв, но в голове мальчика шла какая-то иная работа, ни на секунду не прекращаясь.

– Вы когда-нибудь слышали о Белой Обители? – спросил он.

– Что? Ты имеешь в виду Белый дом, что ли? В Вашингтоне? А при чем здесь он?

– Да нет, не Белый дом. Белая Обитель, – повторил Этан. – Мне кажется, она существует на самом деле, и мне кажется, что я должен туда отправиться.

– Правда? А мне кажется, что я должен полететь на Луну, черт бы ее побрал. Ты что, спятил, малыш? Или еще не совсем? Крыша поехала, да?

Этан, не отрываясь, смотрел на огонек керосиновой лампы. Да кто же он такой, в самом деле? Где родился? Ответов на эти вопросы у него нет, зато доступны некоторые истины, и он решил поговорить об этом.

– Мне кажется, я просто должен туда отправиться. Я чувствую, что некая сила толкает меня туда... Почему-то это очень важно, хотя я и сам не знаю почему. Эта ваша крепость... дома с меблированными комнатами... все это никуда не годится. Здесь оставаться нельзя. Для тех, кто останется здесь, когда они нападут в следующий раз... все будет кончено. Я думаю, эта Белая Обитель существует на самом деле... и еще думаю... я в этом просто убежден, что какая-то сила желает, чтобы я туда отправился, – говорил Этан, не отводя глаз от Дейва. – Это название я услышал во сне. И теперь все время о нем думаю. Вы можете как-нибудь узнать, существует ли это место реально и где оно находится?

– Ой-ой-ой, так тебе уже и откровения во сне являются? А дальше что? Станешь превращать воду в вино? Преврати ее лучше в виски, и, может, тогда я тебе поверю.

– Лично я предпочитаю лимонад, – с серьезным лицом ответил Этан. – А про Пантер-Ридж я говорю вам лишь то, что вы и сами знаете. Сэр, – добавил он, чтобы слова его не показались Дейву излишне дерзкими. – Прошу вас, пожалуйста, узнайте хоть что-нибудь про эту Белую Обитель. Поспрашивайте, – может, кто-нибудь слышал о ней. Или даже знает, где ее искать.

– Ну да, конечно! Сейчас вот побегу и порыскаю в интернете. Как тебе идея?

Дейв встал. Напаялил на голову бейсболку, все еще мокрую от масляного дождя. Он понятия не имел, зачем пришел сюда, зачем задавал этому щенку вопросы, потому что ни единого ответа, который бы его устраивал, он так и не получил. Может, он ожидал услышать нечто

такое... такой ответ, который он мог бы осмыслить и ухватиться за него. А вместо этого... Мальчишка точно спятил, тут и говорить не о чем.

Этан встал с постели и пошел за Дейвом. В основной палате больницы на стульях сидели несколько человек; над одними возились врач или медсестры, другие ждали своей очереди. Как и в жилище Дейва, с искореженного потолка всюду свисали провода и трубы. Джей-Ди сейчас накладывал гипс на левую руку измотанного на вид человека средних лет в грязной белой футболке и в джинсах, а медсестры занимались другими пациентами.

– Ты уверен, что тебе уже можно вставать? – спросил Этана врач, не прерывая работы.

Этан кивнул. Дейв уже почти достиг входной двери, которая, как и у Оливии, не закрывалась из-за покрякивающей дверной коробки.

– Будь осторожен, – пожелал Этану Джей-Ди. – На улице сильный дождь...

– Эй! Погоди-ка минутку! Да-да, ты... сынок! – проговорил вдруг человек со сломанной рукой, вытаращив глаза на Этана. – Погоди-ка. Я же тебя узнал, правда не помню, где мы встречались. Честное слово!

Дейв застыл у двери как вкопанный и оглянулся. Снаружи бушевал ливень.

Этан посмотрел на кареглазого с выющимися седыми волосами и перебинтованной головой... нет, он никогда раньше не видел этого человека.

– Нет... не думаю, – неуверенно проговорил Этан, но в сердце у него вспыхнула крохотная искорка надежды. – Вы правда меня знаете?

– По-моему, да, хотя и не помню откуда... Мы с женой прибыли сюда всего несколько дней назад. Но мне кажется, я тебя где-то видел. Черт возьми, больно! – крикнул он, обращаясь к Джей-Ди, потом снова повернулся к мальчику. – Да, мне кажется, мы встречались, но вот где? Погоди, погоди-ка минутку... ты был как-то по-другому одет. В рубашку... да-да, темно-красная рубашка с одним оторванным рукавом.

– Все верно, – сказал Дейв, подходя поближе. – Он так и был одет, когда его вчера доставили сюда. Ну-ка вспоминай, где ты его видел?

Человек открыл было рот, но, кажется, вдруг передумал. На лице его отразились смещение и испуг.

– Чего молчишь, давай рассказывать, – вступил в разговор Джей-Ди; он даже перестал накладывать гипсовую повязку.

– Я вспомнил, – сказал раненый. – Мы были в другой группе. В торговом центре. Милях в шести или семи отсюда. Он был полностью разрушен. Мы искали местечко, где спрятаться, потому что прежнее место было разгромлено. Над головами шел бой между этими... и мы старались куда-нибудь скрыться подальше. А потом...

Он перевел взгляд на Дейва, затем обратно на Этана, и снова по лицу его стало понятно: он не знает, что сказать.

– Пришельцы, должно быть, недавно ушли. А мы оказались там, где валялись трупы. Эти люди, видно, погибли всего несколько часов до того... они лежали на куче кирпичей у разбитой стены. И... ты тоже. Ты там тоже лежал. Вот где я тебя видел. Только ты был... мертвый. Как и все остальные. Вас было шестеро, все мертвые. Лежали на кирпичах, вот где вы были.

– Чушь собачья! – заорал Дейв с нарастающим гневом. – Как ты мог видеть его мертвым, когда вот он перед тобой, живой!

– Ну да, вот я и говорю... но там он был мертвый. Взрывом разрушило стену и разбросало их всех в разные стороны, но... его лицо... мне показалось, будто он спит, и Кей – это моя жена – попросила меня проверить, чтобы точно убедиться... ведь совсем еще мальчик, его нельзя было там оставлять. Ну вот, я проверил пульс, и... пульса не было. – Он опустил глаза. – Я правда щупал его. Честное слово. Он был...

– Ты ошибся, – перебил его Дейв, покраснев от злости. – Ошибся, черт бы тебя побрал! Может быть, сердце просто медленно билось и ты не почувствовал пульса. Посмотри на него! Он что, по-твоему, мертвый?

И тут Дейв поймал на себе пристальный взгляд Джей-Ди и вспомнил, как в охраняемом помещении они с доктором разглядывали страшные черные кровоподтеки на груди и спине Этана и доктор тогда сказал: «Парень получил какой-то страшный удар. Возможно, в результате взрыва. Так действует ударная волна».

– Ты ошибся, – повторил он, глядя на человека со сломанной рукой.

Дейв развернулся и вышел. Он понимал, что вопросы рожают новые вопросы, а ответов на них нет, но даже в этом безумном мире мертвый мальчишка не мог воскреснуть. Под проливным дождем он шагал все быстрее и быстрее, и ему казалось, что каждая капля бьет в голову, в спину и плечи, как кусочек свинца.

«Белая Обитель, – думал он, поднимаясь по склону. – Черт знает что! Совершенная бессмыслица. Белая Обитель, ага, конечно... ну надо же...»

Но он не мог не думать и о том, с какой решительностью Этан недавно говорил: «Мне кажется, я просто должен туда отправиться».

И еще более тревожное и обескураживающее: «Я чувствую, какая-то сила толкает меня туда».

Дейв оглянулся и увидел, что Этан плетется за ним: маленькую фигурку почти скрывала завеса дождя. Мужчина пошел медленнее, поджидая, что мальчишка догонит его. Он уже и сам не понимал, чокнутый Этан или...

...или здесь что-то другое?

Ни один человек не в силах вот так взять и вызвать землетрясение, думал Дейв, шагая сквозь ливень. А эта дичь, что случилась с бассейном, а потом еще какая-то Белая Обитель... Что уж говорить о том, что мальчишку видели среди развалин торгового центра мертвым, в той же самой темно-красной рубашке с оторванным рукавом, которую он, Дейв, тоже своими глазами видел на нем вчера.

И все же... он говорил: «Я чувствую, какая-то сила толкает меня туда».

Куда – туда? И зачем? И как вообще можно понять, что это за место такое и где оно?

«Было бы очень неплохо, – подумал Дейв, – если бы этот так называемый голос, который слышится Этану, взял да и выложил ему все как есть, а не молот какую-то дребедень в виде отдельных и непонятных слов».

Но каким бы суровым и жестким он ни был, как бы ни очерствел душевно, какую бы озлобленную горечь ни испытывал к изменившемуся окружающему миру, сломавшему его жизнь, да и жизни других людей, Дейв Маккейн неожиданно для себя сдался.

Ноги его заплетались на ходу. Колени дрожали и подгибались. Тяжелые капли дождя больно били в спину, пытаясь пригвоздить к земле. Его охватило безумное чувство, что он распадается на части и превращается в серого человека на просторах этой отравленной земли, а как только пересечет некий рубеж, изменения станут необратимы и он никогда уже не станет прежним.

Прямо посреди дороги он вдруг повалился на колени и прижал руки к губам, чтобы удержать крик мольбы о пощаде, мольбы не только за себя, но и за всех, кто страдает, кто потерял своих близких, кто на своей земле превратился в приговоренных к смерти пленников. Слезы душили его, жгли глаза, но дождь быстро смывал их. Ему казалось, что если он позволит себе плакать, то просто свихнется и вся его пресловутая сила покинет его навсегда.

Он стоял на коленях под проливным дождем, пытаясь цепляться за последнее, что у него осталось.

– Вам помочь?

Дейв поднял голову. Перед ним стоял Этан. Мальчик протянул ему руку.

Дейв всегда хотел во что-нибудь верить. Во что угодно, лишь бы для него снова наступило завтра. И он задал себе вопрос: правильно ли будет – по крайней мере, прямо сейчас – поверить в то, что Этан действительно способен был вызвать землетрясение, что он и вправду почувствовал движение ключевой воды под цементом бассейна и подземной скалой, что мальчишка был мертв и снова возвращен к жизни какой-то неведомой силой, которая теперь посылает его туда, где находится эта Белая Обитель?

Или сейчас верить в это никак нельзя?

Он не знал, как ответить на эти вопросы. Но в данную минуту, когда по всей земле воюют между собой страшные пришельцы, когда благодаря их страшной энергии и ядам на земле рождаются все новые кошмарные твари, он поверил. Совсем немножко, но вполне достаточно для того, чтобы пережить этот день и дожидаться завтрашнего.

Но протянутой руки мальчика не принял и встал на ноги самостоятельно.

Встал и снова двинулся вверх по склону к своему разрушенному жилищу, теперь гораздо медленнее, стараясь ступать крайне осторожно. А мальчик постоял минутку, пока Дейв Маккейн не отойдет на приличное расстояние, и двинулся за ним, стараясь идти чуть ли не след в след.

Глава 7

Около полуночи Дейв проговорил вслух то, что безуспешно пытался от себя отогнать, но что неизменно снова приходило на ум. А теперь сорвалось и с языка:

– А что, если эта самая Белая Обитель существует на самом деле?

– Наверняка существует, – отозвался Джон Дуглас. – Скорее всего, какой-нибудь городишко. Или бывший городишко. Может, даже где-нибудь в другой стране.

Он выложил костяшки с буквами на игральную доску скребла, чтобы получилось слово «оазис», взял из кучи еще пять костяшек и припал к кружке с чистой родниковой водой.

– Но допустим, даже если Этан действительно слышал эти слова во сне... это все равно мало что значит. Согласен? – Он посмотрел на сидящего напротив Дейва.

В жилище доктора, в квартире под номером 108 с напрочь выбитыми окнами и страшными трещинами по стенам, горели две керосиновые лампы и свечной фонарь. Чтобы дверь снова закрывалась в покривившейся дверной коробке, пришлось поработать ручной пилой. В других обстоятельствах весь этот квартирный комплекс был бы давно расселен, обнесен желтой лентой, как непригодный для жилья и подлежащий сносу. Но у обитающих здесь бедняг иного жилья не имелось.

Оливия Квинтеро тоже внимательно изучала лежащую между ними на поцарапанном столе игральную доску. Рядом стояла прислоненная к стулу винтовка. В эту ночь – возможно, из-за проливного дождя – серые не явились. Могут, конечно, напасть и перед самым рассветом, но пока все было тихо. Ей бы надо пойти поспать, но Дейв попросил ее остаться и поиграть с ними, и Оливия согласилась: какой-никакой, а все же отдых. Она усмотрела, что к слову «нос» можно прибавить две буквы, «о» и «к», что она и сделала. Потом взяла из кучи еще две костяшки; одна ей выпала с буквой «т», а другая пустая.

– А сам-то ты что думаешь обо всем этом? Про то, что Этана видели мертвым? – адресовала она вопрос к Джей-Ди.

– Думаю, этот человек пребывал в таком состоянии стресса, что мог не почувствовать его пульса.

– Может быть, может быть. Но после того, что ты говорил мне в моем кабинете... про кровоподтеки. Помнишь, ты сказал, что парня накрыло взрывной волной и он, судя по всему, должен был умереть. Разве это не так?

– Нет, я выразился не совсем так.

– Да какая разница? – сказала Оливия, глядя, как Дейв выкладывает букву «м» перед словом «ель». – Ты ведь это имел в виду. Насколько я помню, ты очень удивился, что у него нет больших повреждений внутренних органов и что он вообще способен ходить.

Она откинулась на спинку стула, чтобы лучше видеть лица своих собеседников:

– Дейв, а что ты думаешь об этом?

Дейв с ответом не торопился. Он дождался, когда перед словом «ход» Джей-Ди выложит «пеше», чтобы получилось слово «пешеход». И только потом, не глядя на Оливию, заговорил:

– Я вообще не уверен, что Этан такой, каким кажется на первый взгляд. Если честно, я, черт возьми, понятия не имею, что он такое, но я бы сказал... если он в самом деле вызвал эти толчки... непонятно, каким образом... с помощью какой-то энергии, которая нам не...

– Это абсолютно невозможно! – фыркнул доктор.

– Да что ты? – Дейв глотнул водички из своей кружки. – Послушай, да что мы вообще знаем об этом мире? Особенно после того, что с нами случилось? Разве теперь можно быть в чем-то уверенным? За последние два года мы навидались такого... все, во что мы когда-то верили, теперь коту под хвост! Возьмем хотя бы этих серых. Сам знаешь, как они быстро мутируют. Кто тогда думал, что такое возможно? Конечно, это было бы немыслимо, не появись

эти пришельцы. Это они отравили весь мир какой-то заразой. Ну хорошо... – Он развернул стул, чтобы видеть лицо доктора. – А что, если наш Этан все же не такой, как все? Может быть, результат эксперимента, проведенного сайферами или горгонцами...

– Его кровь не дала реакции на физраствор, – напомнил Джей-Ди.

– Верно, но все же... он нечто другое. Более высокоразвитый?

– То есть не человек? – спросила Оливия. – По виду просто мальчишка, а на самом деле нет?

– Не знаю. Я просто пытаюсь...

– Что? Убедить себя в том, что Этан Гейнс явился к нам в Пантер-Ридж, чтобы спасти нас? – Седые брови Джей-Ди поползли вверх. – Устроить мощное землетрясение и помешать серым сожрать нас живьем? Если это так, то Этан должен и сам понимать: еще один такой толчок – и Пантер-Ридж превратится в груду развалин.

– Он уже сейчас груда развалин, – отпарировал Дейв.

Он еще отхлебнул из кружки, попытавшись представить, что это его любимое виски, но вода и сама по себе была хороша.

– Более того, – добавил он. – Это уже сплошное кладбище.

Ни Джей-Ди, ни Оливия не откликнулись на это ни словом. Доктор нервно поерзал на стуле, а Оливия уставилась в свои костяшки с буквами, делая вид, что она сосредоточенно думает, как продолжить игру, а вовсе не пытается отвлечься от неизбежного будущего.

– Мы все здесь скоро погибнем, – продолжал Дейв. – Долго не продержимся. Вот это как раз и есть невозможная вещь.

Он быстро метнул мрачный взгляд на Джей-Ди.

– Я тут поспрашивал у наших, слышал ли кто-нибудь про Белую Обитель. Никто ничего не знает. Спрашивал также, есть ли у кого-нибудь дорожный атлас, и снова... мимо. Может, кому-нибудь где-нибудь попадется, а может, и нет. Между прочим, мне известно, что в школе есть библиотека.

Большая часть медицинских препаратов и инструментов доктора были заимствованы именно в школе, а также кое-что из консервов, но в последний раз Дейв наведывался туда несколько месяцев назад.

– Утречком, – продолжал Дейв, – оседлаю лошадку и съезжу туда... может, найду что-нибудь, хоть какие-нибудь карты. В общем, все, что может помочь.

– Одному ехать нельзя, – сказала Оливия. – Ты и за Этаном не должен был ездить. Это было просто глупо. Сам знаешь, что за ворота выходить вообще нельзя, разве что за едой или боеприпасами.

– Да, конечно... но я все равно поеду. И никого мне не надо, сам справлюсь.

Оливия помолчала, снова разглядывая свои костяшки. Она решила приберечь пустую и выложила на доске слово «стрела», потом выбрала еще три костяшки – на одной из них была зловещая буква «з».

– И ты в это веришь? – спокойно спросила она, и язычок масляной лампы, тихонько потрескивая, затрепетал. – В то, что Этан хочет отправиться в какое-то реально существующее место? Что этот малец чувствует свое... как это называется... свою избранность? Что эта Белая Обитель существует не где-то у черта на куличках, на краю света?

– Избранность? – Джей-Ди выдавил кривую улыбочку, но она быстренько исчезла с его лица. – Кем это, интересно, он был избран? Каким-то голосом, который ему приснился? И ты обязан верить во всю эту чушь?

Последний вопрос был обращен к Дейву.

– Я должен исполнить то, о чем меня попросил этот парнишка, – твердо ответил Дейв. – Конечно, у меня ничего нет, никаких доказательств... но я своими глазами видел, как тря-

сется земля. И ощущал. И я убежден, что он знал про родник под бассейном. Наверное, как-то почуял. Не спрашивайте как, я все равно не смогу объяснить.

Он слегка подался вперед, переводя взгляд от Джона Дугласа к Оливии и обратно.

– Он попросил меня помочь ему найти это место. Он считает, что оно существует, и еще он говорит, что оно тянет его к себе. Можно ли его найти? – Дейв пожал плечами. – Далеко ли это? Пятьдесят миль? Может, сотня? Или тысяча? Не знаю. Я знаю одно: завтра я должен добраться до школьной библиотеки и поискать там географические карты. Это все, что от меня зависит. И вот что, Джон... ты же помнишь, какие у него были кровоподтеки на груди и спине. Ты ведь сам говорил... что не понимаешь, почему его легкие не разорвались в клочки, почему он все еще дышит.

– Верно, я это говорил, – отозвался Джей-Ди с явным сочувствием в голосе. – Я и сейчас поражаюсь, почему он до сих пор жив. Но Дейв... это вовсе не значит, что он сначала помер, а потом вдруг взял и воскрес.

Дейв какое-то время молчал. Дождь все сильнее барабанил по изломанной крыше, ветер бросал его капли на потрескавшиеся стены зданий комплекса Пантер-Ридж, чье былое величие осталось лишь далеким воспоминанием.

Дейв заглянул доктору прямо в глаза.

– А если как раз то самое и значит? – тихо, размеренно спросил он.

Обеими ладонями доктор хлопнул по столу так, что костяшки с буквами разлетелись по сторонам, уничтожив с трудом найденные слова. Потом встал, хмуря изборожденный морщинами лоб.

– И слушать ничего не хочу, – заявил он. – Спасибо за компанию. Пойду немного вздремну, спокойной вам ночи.

Он мотнул головой в сторону двери:

– Толкайте сильнее, она плохо закрывается.

Дейв с Оливией тоже пожелали доктору доброй ночи. Дейв подобрал с пола «узи» в кобуре, Оливия подхватила винтовку. Бороться с дверью Дейву долго не пришлось. По коридору оба направились к лестнице.

– Сдается мне, – сказала Оливия, нарушив молчание, – что тебе очень хочется во что-то поверить.

– Да, скорее всего. Выходит, что ты права. Грустно, да?

– Отчего же? Я вот что хочу сказать... я и сама много думаю об Этане. Да и Джон тоже, просто не хочет об этом говорить. Сейчас вообще трудно во что-то верить. Особенно в то, что в жизни существует хоть какой-то смысл.

Она остановилась. Пришлось остановиться и Дейву.

– Значит, ты считаешь, что у Этана есть какая-то цель? И она несет для нас определенное благо? И что бы это могло быть?

– Понятия не имею. Но все, что он до сих пор для нас делал, было нам в помощь. Я не знаю, что он собой представляет и зачем он здесь, я просто говорю... если Этан в самом деле может нам помочь... значит я должен помочь ему и сделать то, о чем он просит. Если это означает, что он должен повиноваться приказу, который слышал во сне, то я в меру своих способностей его поддержу. И тебе советую. Да что там, мы все должны ему помогать. Иначе будем тут ждать у моря погоды и киснуть, заполняя могилами кладбище, а я не хочу больше ждать.

Оливия задумчиво хмыкнула, но пока ничего не сказала. Справа от них с крыши хлестали потоки воды. В растревоженном небе сверкали молнии. Наконец она заговорила:

– Я вот что думаю... мне просто страшно во все это поверить. Это значило бы начать жизнь с самого начала и снова бороться, так? А ведь я уже стала привыкать сидеть дома перед

портретом умершего мужа и думать... что еще совсем немного – и мы снова будем вместе. Так гораздо спокойнее.

– Ну-ну, держись, не раскисай.

– Доверяться мальчишке, который ничего про себя не помнит? Верить в такие пустяки, как пара слов, которые ему почему-то приснились? Это все равно что пытаться спастись, хватаясь за соломинку.

– Согласен. Но пока эта соломинка нам помогает.

Оливия кивнула и слегка улыбнулась. В ее улыбке было столько страдания, что Дейв отвернулся.

– Завтра я поеду с тобой, – сказала она.

– Это совсем не обязательно. Зачем ехать двоим?

– Может, мне просто хочется еще немного продержаться. А кроме того, лошади ведь мои.

Табун лошадей она привела из своего ранчо, которым они владели вместе с мужем. Смотреть, как их забивают и съедают одну за другой, поначалу было мучительно, но потом она смирилась: речь шла о жизни и смерти людей.

– Ладно, – сказал Дейв и положил руку ей на плечо. – Встречаемся утром в восемь возле загона, идет?

– Да, жди, я обязательно приду.

Дейв в этом не сомневался. Стараясь хоть чем-то прикрыться от проливного дождя, они спустились по ступенькам и разошлись в разные стороны. Дейв вернулся в свое жилище, к лежащему на диване спальному мешку. А Оливия ушла к себе. Она зажгла спичку и поднесла ее к фитилю керосиновой лампы, а затем, сев за письменный стол, взяла в руки подаренный ей Винсентом волшебный шар. Повертела его в ладонях, вспоминая тот день, когда он принес ей этот шар, завернутый в красную бумагу и перевязанный серебристой ленточкой. Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

И сейчас, вопреки всякой логике и разуму, она должна задать волшебному шару свой вопрос. И Оливия прошептала его едва слышно, словно на ухо самому Винсенту:

– Стоит ли в это верить?

Она потрясла шар и перевернула его.

Из глубины чернильной жидкости выплыл белый пластмассовый многогранник.

Может, это сам Винсент отвечает ей. Может, судьба. А может, это просто игра случая, что, как ей казалось, наиболее вероятно.

«Можешь на это положиться» – таков был ответ.

Она взяла с собой лампу, прошла в соседнюю комнату и разделась. Залезла в постель, где хорошие сны давно ее не посещали, не говоря уже о чудесах, в которые она не верила, зато под подушкой всегда лежал пистолет.

Глава 8

Над головой нависло угрюмое желтое небо. Ветра совсем не было, но в воздухе пахло пожарищем. Лошади оказались норовистыми, нервно реагировали на каждое прикосновение. Дейв с Оливией бок о бок проехали сквозь обитые металлическими щитами ворота, открытые специально для них. Как только они спустились к дороге, ворота, исполняя распоряжение Оливии, закрыли и задвинули прочный засов. На каждой из четырех восстановленных от повреждений и заново укрепленных сторожевых башен сидящие за пулеметами часовые провожали их взглядами, не забывая поглядывать на небо и всматриваться в зловещую даль.

Двое всадников направлялись в сторону школы, расположившейся в долине внизу. По пути время от времени им попадались то застрявшая в земной трещине лапа, то оторванная голова какой-нибудь кошмарной серой твари. А у стервятников и хищников работы было много; Дейв подумал, что им все равно, какое мясо глотать, а значит, эти звери и птицы с большой долей вероятности тоже заразятся и превратятся... во что же?

В наплечной кобуре Дейва висел «узи», на поясе в кобуре – револьвер, который прежде принадлежал Митчу Вандерверу. У Митча дома обнаружили четыре коробки патронов по двадцать штук в каждой, а в барабане револьвера еще пять патронов. Это было в порядке вещей. Когда кто-то погибает, оставшиеся в живых во время похоронной церемонии тянут жребий, соломинку или карту, и выигравший берет себе оружие и боеприпасы покойника. Все по закону, без препирательств и драк. И на этот раз, когда хоронили обезглавленного Митча, все это по жребию досталось Дейву. Восемьдесят револьверных патронов и пять магазинов по тридцать два патрона к «узи», и это пока все, что у него есть. У Оливии за спиной висела винтовка, а на поясе – небольшой черный патронташ с тридцатью патронами.

Ехали молча. Пока не отправились, никому не говорили, зачем едут. Несколько человек вызвались их сопровождать на всякий случай, но предлагали помощь неохотно, и Оливия отказалась, отговорившись тем, что дело плевое, сами справятся.

Всадники проехали открытое поле, изрытое воронками от взрывов с дочерна опаленными и покрывшимися твердой коркой краями – так действовало оружие пришельцев. Асфальт дороги потрескался и тоже был усеян воронками, и Оливия подумала, что Землю превратили в планету, вероятно гораздо более близкую сердцу сайферов и горгонцев, в разрушенный склеп войны, который через пару лет станет совсем непригодным для жизни людей. Все будет сплошь заражено, если только этого уже не случилось. Но сейчас надо бы отбросить все эти мысли, они сводят с ума; в глазах у нее уже стояли слезы, сердце печально сжималось, а в голове тикал какой-то таймер, который подсказывал ей, что правильнее будет, если она соединится с Винсентом, тем более что это так легко сделать. Оливия была на грани того, чтобы совсем пасть духом. Не осталось больше никаких сил продолжать эту бессмысленную борьбу. Последние капли жизненной силы истекают день за днем, их почти не осталось. Она не сомневается в том, что к тому времени, как они с Дейвом вернутся в крепость, застрелится еще пара-тройка отчаявшихся людей. Община теряет все больше и больше народу, и этот процесс ускоряется.

«Белая Обитель», – подумала она, когда они уже подъезжали к зданию школы. А вот и изрядно потрепанный знак, на котором можно прочитать имя Этана. Сама школа превратилась в настоящие руины. На автомобильной стоянке... что такое? Три огромных... существа... Они лежали там, сплошь покрытые стервятниками, словно шевелящейся шкурой. Толстые, омерзительные тела, обожженные так, что плоть расплзалась на куски, из-под которых сочилась черная жидкость, похожая на жженое машинное масло. Там и здесь виднелись очертания валяющихся тел поменьше, только сейчас они превратились в останки из лоснящегося, черного, как эбеновое дерево, материала, похожего на клочья рваной резины. Она поняла, что это такое,

потому что уже видела подобное. Это было то, что осталось от солдат-сайферов, которые с бульканьем таяли на глазах, превращаясь в ничто. Но эти твари... откуда взялись эти чудовища?.. Здесь ведь было что-то другое, быстро вспомнила она.

– Дейв, – негромко проговорила Оливия, – а куда подевались машины? Тут же стояли брошенные автомобили...

– Лучше не спрашивай, – ответил он.

Ханна Граймс успела рассказать ему о том, что она видела в бинокль, а он, в свою очередь, предупредил Ханну – воробыху стреляную и крепкую, – чтобы она, ради самого Христа, держала язык за зубами. До сих пор Ханна язык не распускала. Но это, возможно, всего лишь вопрос времени. Созидание из земного металла живой плоти – это у пришельцев что-то новенькое, и, не дай бог, подобная нечисть доберется до Пантер-Риджа – тогда уж держись.

Лошади отчаянно ржали и вздрагивали, им явно не хотелось ступать на площадку стоянки.

– Но-о, пошла, – понукал свою Дейв, но лошадка вскидывала голову и косила на него дикими, обезумевшими глазами, и в груди у нее что-то громко урчало, словно она хотела ему сказать: «Если ты такой дурак, то я – нет. Ни в коем случае, братец, хоть убей, но я туда ни шагу».

– Что это такое? – спросила наконец Оливия, заставив себя посмотреть на лежащих чудищ, хотя и ее лошадь боязливо пятилась, явно не желая идти вперед. – Ты слышишь, а, Дейв?

– Да какая разница, они уже мертвые, – отозвался Дейв.

Он спешился и поискал взглядом, где бы можно было привязать животное. В последний раз он был здесь несколько месяцев назад и использовал для этого бампер грузовичка. А недавно этот грузовичок взял и ушел, и теперь небось валяется где-нибудь там и его щиплют стервятники. Он обратил внимание на отпечатки в асфальте, скорее всего оставленные лапами этих тяжеленных тварей. Живая плоть из металла. Жизнь, сотворенная из неодушевленного предмета. Отличный фокус, если подумать. Он припомнил, что читал про такое в какой-то книжке, когда сам учился в школе, и это запомнилось, потому что тогда казалось так круто! Как там было написано? Что-нибудь вроде... «Любые сверхпрогрессивные технологии лишь поначалу кажутся настоящим волшебством». Так, что ли? Наверное, нет, но что-нибудь в этом роде. Ну да, здесь мы тоже имеем дело со сверхпродвинутой технологией во всей ее волшебной красе.

«Черт бы их всех побрал! – подумал он. – Их оружие становится все более диковинным и смертоносным. Вот она, „гонка вооружений“, как сказал Этан».

– Да, – продолжил Дейв вслух, – а мы застряли где-то посередине, зараза.

– Что? – переспросила Оливия.

Он в ответ просто пожал плечами и повел лошадь к знаку стоянки, который торчал как раз перед въездом. Столб со знаком согнулся почти пополам – вероятно, от взрывной волны, которая вышибла из окон школы все стекла.

– Оставайся здесь, если хочешь, я не против, – сказал он. – А я пойду поищу библиотеку.

Но Оливия уже спешила. Отвела пугливо вздрагивающее животное туда же и привязала к знаку. Она старалась не отводить взгляда от Дейва, но ее неумолимо тянуло еще раз посмотреть на мертвых чудовищ – женщина понимала, что оставаться здесь одна не сможет.

Оливия привычным движением легко и быстро сняла винтовку с плеча. Прежде она не могла бы представить себе, что когда-нибудь станет бравым воякой. Но вот пожалуйста, у нее в руках оружие, и, если понадобится, она готова драться.

– Пошли, – сказала Оливия.

По дорожке из потрескавшегося бетона они двинулись к каменной лестнице, ведущей ко входу в здание. Одна половинка двери оказалась сорванной с петель и лежала внутри, а другая,

будто какой-нибудь субботний выпивоха, криво стояла, прислонившись к косяку. Впрочем, подумал Дейв, это было когда-то давно, сейчас такое трудно себе представить. Внутри было сумрачно, местами воздух казался желтоватым, как и тошнотворное небо. Под подошвами хрустело битое стекло, и в мертвой тишине этот ужасно громкий хруст пугал Оливию.

Впрочем, тишина была не совсем мертвая. С потолков повсюду капала вода. Полы были устланы влажными листами бумаги цвета крепкого чая. Плитки пола шатались и слегка подавались под ногами – казалось, идешь не по полу, а по топкому болоту; наверное, балки под ним давно прогнили и скоро совсем провалятся.

Они прошли мимо полки, где некогда стояли спортивные призы; победами своей команды гордилась вся школа. Теперь призы были разбиты или валялись на полу, от сырости покрытые ржавыми пятнами. На одной из стен они увидели огромную фреску, скорее всего написанную самими учащимися; на ней был изображен земной шар, окруженный взявшимися за руки детьми. Фреска была покрыта большими бурыми пятнами, довольно большие куски штукатурки местами отвалились, но еще можно было прочесть поблекшую надпись: «Человечество – большая семья».

– Здесь была учительская, – сказал Дейв, проходя мимо распахнутой настежь двери. – А вон там – столовая. Чуть подальше, вон в той комнате я нашел лекарства и медицинские принадлежности. А за ней должна быть библиотека.

Оливия кивнула.

Кап, кап, кап – капала вода. В лужах мокли разбросанные тетрадки и другие предметы, вывалившиеся из шкафчиков, когда в тот апрельский день учащиеся разбегались по домам, и превратившиеся в мусор. Она представила, как учителя во главе с директором пытались поддерживать порядок, как трескали динамики системы внутренней связи, как металась по коридорам родители в поисках своих чад, а в это время по новостям показывали, как по всему миру горгонские корабли уничтожают города. Теперь здесь остались одни призраки, подумала Оливия. Призраки прежней жизни, призраки не только американской мечты, но и большой семьи человечества.

– Ты в порядке? – спросил Дейв.

– Да, – отозвалась она.

– Долго мы тут не задержимся, – попытался успокоить ее Дейв, понимая, что ей здесь очень не по себе.

Она промолчала.

В желтоватом полумраке они продолжили путь. На покоробившемся полу под ногами валялся горн, покрытый пленкой окиси. «Гедеон покинул здание»³, – подумала Оливия и даже чуть не рассмеялась, но слишком печальны были эти развалины, откуда ушло, навсегда затерявшись, так много чьих-то надежд и обетований. Она не дерзнула позволить себе даже представить, что случилось со многими из этих учащихся, их родителями и учителями. Кое-кто из них вполне мог оказаться в полчище штурмующих их крепость серых... а если их не было здесь, то они могли быть где-то в другом месте.

– Кажется, это здесь, – сказал Дейв.

Он остановился в коридоре чуть-чуть впереди нее. По обе стороны двери с надписью «Библиотека» под треснувшим стеклом тянулся ряд шкафчиков для одежды.

– Ну что, заглянем? – спросил Дейв, но, перед тем как открыть дверь, вытащил из кобуры и снял с предохранителя револьвер.

Оливия вошла в помещение вслед за ним, оставив дверь за спиной открытой.

³ Гедеон – библейский персонаж, судья, под чьим управлением Израиль благоденствовал сорок лет. «Элвис покинул здание» – фраза, часто использовавшаяся ведущими по окончании концертов Элвиса Пресли, чтобы разогнать публику, которая надеялась, что певец споет на бис.

Беспорядок здесь царил страшный. Полнейший разгром. Окна выбиты, всюду гуляет ветер, швыряя в проемы пригоршни дождевых капель; стеллажи с полками повалены. Все разбросано и насквозь пропитано влагой. И пол, и стены покрыты пятнами желтой и зеленой плесени; Дейв и Оливия понимали, что к ним лучше не прикасаться.

В воздухе стоял тошнотворный, отвратительно-сладковатый смрад разложения. Часть потолка обвалилась, обнажив провисшие провода и трубы. Пол почти сплошь был усеян книгами с плотно склеившимися от влаги и плесени страницами.

Не говоря ни слова, они стояли, оглядывая помещение.

– Господи! – сказал наконец Дейв, хмуясь и испытывая острое желание закурить. – Похоже, читать эти сволочи не очень-то любят.

Шутка развеселила Оливию. Она громко и от всей души рассмеялась, и Дейв был очень доволен, слушая ее смех. Он и сам скупно улыбнулся и пожал плечами. Да, света здесь маловато. На этом гнилом, покрытом плесенью полу не очень-то хочется опускаться на колени и искать дорожные атласы. Казалось, какой-то великан поднял комнату, как коробочку, перевернул и несколько раз потряхнул как следует. Здесь им не помешал бы какой-нибудь совок, что ли, или, на худой конец, резиновые перчатки. Он проклинал себя за то, что не подумал об этом. Но поздно: они уже здесь и надо искать; только с чего же начать?

Хороший вопрос.

Он попробовал было сдвигать книги ногой, и сначала получалось как будто даже нормально, но в нижних слоях все эти издания прочно прилипли к полу. Некоторые так слиплись, что, казалось, просто расплавились; поди догадайся, книги ли это вообще и на какую тему. Ничего похожего на географические карты или дорожные атласы Дейву не попадалось, и он уже задавал себе вопрос, как тут можно увидеть их вообще в этом мокром месиве.

– Может, вот эта штука подойдет? – спросила Оливия, ткнув ногой в лежащий на полу помятый глобус.

– Не думаю. Впрочем, не знаю. – Дейв услышал в собственном голосе нотку обреченности. – Послушай, а если найдем здесь какую-нибудь карту, ты знаешь, что на ней искать? Я нет. Боже мой, все получилось совсем не так, как я себе представлял. – Он отбросил ногой в сторону несколько книжек. – Мне кажется, глупо все это.

– Ничего не глупо, – возразила Оливия. – Ведь все-таки есть хоть какая-то надежда.

– Пожалуй, – согласился Дейв. – Хотя в наше время глупость и надежда почти синонимы.

Оливия тоже принялась сдвигать и переворачивать ботинком влажные останки книг. Словно кладбище мыслей, результатов работы человеческого разума, подумала она. Подцепив носком синюю обложку, раскрыла и чуть не расплакалась – это была книжка детских детективов «Братья Харди». «Возьми себя в руки», – мысленно приказала она. Но легко сказать, да трудно сделать.

– Мы с тобой знакомы довольно давно, – проговорила она, – и мне кажется, ты не из тех, кто верит в... как бы это сказать... в чудеса. Но этот мальчишка... он что, смог тебя переубедить? Послушай, Дейв, если это место и существует на самом деле, оно может находиться где угодно. С чего это он вдруг захотел туда отправиться?

– Он очень странный пацан, – сказал Дейв и умолк, продолжая ковыряться во влажном месиве.

– Да знаю. Но иногда... понимаешь... сон – это всего лишь сон, ничего больше. Мне снилось много дурных снов. Наверняка и тебе тоже.

– Да, – отозвался Дейв, глядя на Оливию в тусклом желтом свете. – Я понимаю, это смахивает на безумие. Понимаю, что ехать сюда и рыться в этом развале – сущее безумие. Но все же... ты знаешь, Этан прав. И Джей-Ди тоже прав. У нас больше нет сил держаться. Если хотим остаться в живых, надо уходить... искать другое место.

– Ты думаешь, эта Белая Обитель и есть такое место?

– Если бы я знал, черт возьми! Но нашему Пантер-Риджу вот-вот придет конец. Сняв грязную бейсболку, он вытер капли пота со лба и снова надел ее.

– Понимаешь, Оливия, Этан не такой, как все. Я не знаю, хорошо это или плохо. Но до сих пор он нам только помогал... для меня это очевидно. Зови меня глупцом, сумасшедшим или еще как-нибудь, но я сейчас здесь... и это главное.

Что она могла на это ответить? Оливия увидела возле дальней стены стойку регистрации и вход в библиотечарскую. И двинулась туда. Под ногами хрустел пластик: она шагала по дискам с кинофильмами, – видимо, полка с ними упала и диски рассыпались по полу. Странно было видеть в этом хаосе стоящую прямо на стойке металлическую статуэтку футболиста: в одной руке он держал американский флажок, а другой прижимал к груди, как любимого ребенка, футбольный мяч.

Оливия сделала еще шаг, и пол под ней вдруг прогнулся. Послышался смачный влажный шлепок, словно под ее ногами подалось вниз что-то подгнившее и хлипкое. Правая нога провалилась сквозь пол, она вскрикнула. Ей показалось, что она падает в подпол, и, чтобы ухватиться за края плиток, она чуть было не отпустила винтовку, но падение вдруг прекратилось само собой, и Оливия осознала, что ее нога болтается в темноте.

Через мгновение Дейв оказался рядом, помогая ей выбраться.

– Спокойно, спокойно, – приговаривал он. – Не ушиблась? Нога не болит?

– Довольно крепко стукнулась коленкой. Кажется, больше ничего. Осторожнее на этом полу, он кусается.

– Да-да, вижу.

Дейв всмотрелся в дыру, но ничего, кроме мрака, там не увидел. Где-то в темноте капала вода, из подвала поднимался едкий аромат плесени, похожий на запах ядовитых грибов.

– Осторожнее.

– И ты тоже. Ну-ка, ну-ка... – сказала она, увидев что-то любопытное. – Тут за стойкой какой-то шкафчик. Стоит посмотреть, что там в нем.

– Пожалуй. Только держись ближе ко мне.

Они обошли стойку регистрации. Действительно шкафчик. Как только он сумел сохраниваться нетронутым в бушевавшем здесь светопреставлении? Дейв открыл верхний ящик и обнаружил там стопку школьных стенгазет за пару лет. В следующем ящике лежали канцелярские принадлежности: карандаши, ручки, резиновые кольца для крепления бумаг, скрепки и прочее. В третьем ящике не было ничего, кроме нескольких пачек бумаги для принтера, а в четвертом – две мышеловки.

– За стойкой есть еще ящики, – сказала Оливия.

Она вдруг обнаружила, что хромает, ушиб колена оказался довольно серьезным. «Наверное, скоро распухнет, – подумала она. – *Magnifico!*⁴ Мне только этого не хватало. Теперь несколько дней буду ковылять, как старуха».

Она открыла верхний ящик конторки и нашла там еще запас ручек, блокнотов, скрепок и кем-то припрятанные несколько пачек жвачки «Орбит». В следующем ящике лежал толстенный ежегодник «Альпинист» за прошлый год в красно-золотой обложке, парочка старых сотовых телефонов, видимо конфискованных у учеников в тот самый день, а под ежегодником... что это? Она вынула ежегодник и увидела обложку с фотографией: сосновый лес и выходящее сквозь него шоссе. Это был атлас автомобильных дорог Соединенных Штатов Америки Рэнда Макнелли.

– Смотри! – сказала Оливия, доставая атлас.

На обложке красным маркером была написано: «Из библиотеки не выносить!»

– Смотри же, я нашла, что тебе надо, – сообщила она Дейву с нескрываемым торжеством.

⁴ Великолепно! (исп.)

Дейв подошел посмотреть.

– Есть! – воскликнул он.

Давненько Дейв не чувствовал такого волнения и, услышав свой голос как бы со стороны, даже удивился.

– Молодец! Просто здорово. Теперь есть хотя бы, с чего начинать.

Он сунул атлас за пояс штанов.

– Не знаю, что мы тут будем искать, но...

Пол вдруг затрещал. Негромко, но зловеще. Оливия хотела сказать: «Давай-ка поскорей удирать отсюда», – но не успела.

Сквозь дыру в полу кто-то явно пытался пролезть.

Вот над дырой поднялась, раскачиваясь, как кобра, голова, а следом показалось туловище. Худое и серое существо некогда являлось, должно быть, женщиной, судя по свисающей голой груди и неопрятным седым лохмам длинных волос. Впалыми глазами на худом, плотно обтянутом кожей черепе она зыркала по сторонам, словно искала, откуда слышатся человеческие голоса и тянет запахом свеженького человеческого мяса. Когтеобразные пальцы ее цеплялись за края дыры, она пыталась полностью вылезти из подполья, но что-то, похоже, ей мешало, и губы ее с досадой кривились, а изо рта вылетали негромкие хрипы, словно у нее совсем пересохло горло. Оливия чуть было не закричала, но вовремя сдержала себя. Сейчас этого делать никак нельзя. Мрачно сжав губы, она вскинула винтовку.

Вдруг пол в библиотеке задрожал и всколыхнулся, как океанская волна. Взмахивались и разлетались в разные стороны плитки, сквозь дыры тянулись когтистые руки. Сначала Дейв подумал, что они с Оливией случайно наткнулись на лежбище серых, и это было отчасти верно... Но в следующие несколько секунд пол продолжал распадаться, и отовсюду полезли лоснящиеся серые твари. И тогда Дейв с внезапным ужасом понял, что в подвале школы Этана Гейнса выросло нечто совсем иное.

Еще подростком Дейв работал в бригаде, которая занималась сломом старых домов и вывозом полезной древесины и кирпичей. Это случилось в жаркий августовский день.

– Эй, эй! – закричал вдруг их бригадир. – Вы только посмотрите сюда!

И Дейв увидел, как из только что сломанной стены с отвратительным писком стали выскакивать огромные крысы. Они попытались разбежаться в разные стороны, но не смогли, поскольку были связаны хвостами, словно узлом, причем некоторые из них уже сдохли и начали разлагаться, а живые продолжали отчаянно бросаться кто куда, оскалив острые зубки, сверкая глазками и хрипло дыша.

– Это крысиный король, – сказал тогда бригадир. – Один раз я уже видел такого. Когда они попадают в очень маленькое пространство, начинают писать друг на друга и срastaются хвостами. Жуть!

Бригадир схватил лопату и принялся за работу. Он лупил их с такой яростью, что они скоро превратились в дрожащее кровавое месиво. Дейву в тот день выпала честь выбрасывать останки крысиного короля на помойку.

А теперь, годы спустя, Дейв Маккейн наблюдал «крысиного короля» серых, который пытался выбраться из подвала.

Ноги отдельных особей срослись и теперь напоминали скорее длинные, тонкие щупальца, похожие на огромные крысиные хвосты. Одни из них уже успели пожрать других, некоторых еще не совсем; этот страшный «крысиный король» состоял из более чем двадцати особей, некогда бывших мужчинами, женщинами и детьми, руки, ноги и головы которых теперь находились совсем не там, где им полагается быть. Остатки одежды превратились в мокрые грязные лохмотья. И сейчас эта шершаво-чешуйчатая серая плоть со множеством исковерканных рож на уродливых головах с длинными шеями лезла к ним из подвала школы. В разинутых пастьях сверкали острые как бритвы зубки, у некоторых в несколько рядов, как у акулы.

Дейв сразу сообразил, что у них возникли две проблемы. Во-первых, у серого «крысинаго короля» есть цель и движется он согласованно, а во-вторых, это извивающееся чудище перекрыло им путь к выходу.

С застывшим от ужаса лицом Оливия попятилась и прижалась спиной к Дейву. Страшное существо изо всех сил пыталось выбраться из подвала. Все его тело облепили влажные книги и заплесневелые страницы. Серый «крысиный король» не издавал никаких звуков, кроме шипения и шуршания множества тел. Теперь, по всей видимости, он подбирал все свои «щупальца» под себя, чтобы сделать попытку встать. В голове Дейва мелькнула мысль: если они хотят вырваться отсюда, то делать это надо прямо сейчас.

Он открыл из револьвера огонь; выстрелы звучали невероятно громко, вспышки слепили глаза. Два выстрела – и две головы с кошмарными рожами разлетелись вдребезги. За ним заговорила и винтовка Оливии, ее пуля проделала дырку в седовласой голове женоподобной твари, которая попыталась выбраться первой. Из раны вырвалась струя черной жидкости.

– Ходу! – что было силы заорал Дейв, схватил Оливию за плечо и потащил из-за стойки.

Масса слившихся тел «серых людей» зашевелилась быстрее, к беглецам потянулись змееобразные руки. Одна из них изогнулась, как клюшка, и подцепила Оливию за правую щиколотку, и та точно свалилась бы прямо в самую их гущу, если бы Дейв, напрягая все силы, не удержал ее. Оливия послала пулю наудачу и попала твари в то место, которое когда-то, видимо, было человеческим плечом, – женщине удалось выдернуть ногу, но в голове мелькнула мысль, что, если бы не получилось, ей бы точно пришел конец. Дейв пальнул еще разок и попал в одну из рож чудовища. Ошметки серого мяса и темная жидкость заляпали стены библиотеки. Тварь издала долгий жалобный стон, похожий на хор обреченных и проклятых.

Помогая себе локтями и животами, страшное существо снова и снова предпринимало попытки выбраться, упираясь в пол щупальцевидными отростками; разбитые мертвые головы болтались на нем, как колокольчики. Еще живые головы щелкали оскаленными зубами, дергаясь в их сторону, и целый лес серых рук тянулся к двоим в жажде кровавой пищи. Оливия с Дейвом снова открыли огонь, уже почти в упор, всего с четырех-пяти футов. Дейв расстрелял весь барабан револьвера, вытащил из кобуры «узи» и пулями калибра девять миллиметров принялся поливать тело чудовища.

С оглушительным, жутким хоровым воплем всех оставшихся глоток мутант вдруг стал отступать, втягивая тело обратно в свое подпольное логово. Образовался узкий проход, через который можно было проскочить.

Помня о больном колене Оливии, а также о том, что главное – обоим остаться в живых, Дейв подтолкнул женщину к двери. Он выпустил последнюю пулю из магазина в серое тело и увидел в его глубинах что-то вроде искаженного детского личика. Глаза ребенка были широко раскрыты, а рот с отсутствующей нижней челюстью разинут то ли от мучения, то ли от постоянного голода.

Еще секунда – и Дейв оказался за дверью. Они выскочили на свет божий.

Оливия, проклиная больное колено, старалась двигаться как можно быстрее, опираясь на плечо Дейва, который все время был рядом с ней. Он подумал, что если кто-то из них обернется, значит рассудок они безвозвратно оставили в библиотеке школы Этана Гейнса.

Но ни он, ни она не оглянулись, хотя, отвязывая свою лошадь и садясь в седло, Оливия всхлипывала. Дейв не плакал, нервы его были крепче. Но вот желудок его подвел. Скучный завтрак пришлось извергнуть на землю. Лошадка его, почуяв запах мутанта, попыталась удрать, но он успел-таки вскочить в седло.

Говорить друг другу «поехали», или «ну, с Богом», или «давай, черт побери, поскорее убираться отсюда» не пришлось, не до этого было.

Они поскакали. За спиной слышалось хлопанье крыльев стервятников, которых вспугнул топот лошадей, пущенных с места в карьер к Пантер-Риджу с его сомнительной безопас-

ностью. Некоторые падальщики даже взлетели над обожженными трупами, которые они с жадностью пожирали, но, сделав пару кругов, птицы снова опустились на валяющихся по всей стоянке мертвых чудовищ, похожие на черный саван, препираясь между собой за лучшие места на этом пиршестве.

Глава 9

Почки, желудок. Толстая кишка, тонкая кишка, поджелудочная железа. Печенка, селезенка, легкие. Мозг, сердце. Этан сидел в кресле у себя в комнате. Кресло было обтянуто потертой коричневой кожей, и когда-то спинка его откидывалась, но теперь механизм заело. На столике рядом стоял фонарь, в котором горела свеча. Столик был наклонен, потому что и пол перекошило. Первые, еще совсем слабые проблески утра пробивались сквозь крест-накрест заклеенные липкой лентой стекла окон. Этан был одет в темно-зеленые пижамные штаны и серую футболку. Ночью ему плохо спалось, в общей сложности он проспал часа два, не больше. Во сне ему то и дело слышался вой сирены, означающий, что серые возвращаются, хотя прошло уже четыре ночи с тех пор, как он понял, что может вызывать землетрясения. Этану казалось, что его организм – это клубок оголенных нервов и напряженных мышц. Когда в первый раз он проснулся и вскочил с постели, то схватил фонарь и пошел в ванную комнату, где задрал перед зеркалом футболку и стал разглядывать грудь. А потом и спину, насколько ему это удалось.

Доктор был прав.

С такими ушибами он не должен был остаться в живых.

Вчера днем Джон Дуглас велел ему явиться в больницу для нового обследования. Этану очень этого не хотелось, он и так знал, как все выглядит, но все-таки пришел. Ему снова сделали укол соляного раствора, причем рядом на всякий случай поставили человека с винтовкой. «Предосторожность не помешает, – сказал Джей-Ди. – Я-то, конечно, тебе доверяю, но...»

Измерили давление. Оказалось в порядке. Джей-Ди попросил Этана снять футболку, чтобы послушать сердце, и чуть не ахнул от изумления, почти прижав ладонь к губам в попытке удержаться от охов и ахов. Прошла минута, прежде чем он взял себя в руки.

– Ты видел, что тут у тебя... я полагаю.

– Да, сэр.

– Повернись, пожалуйста, спиной.

– Там то же самое, – сказал Этан.

– Ну-ну, давай-ка посмотрим.

Этан послушно повернулся. Кровоподтеки стали еще хуже. Они были такие же черные, но теперь слились в один. И грудь, и живот, и спина до самых ягодиц представляли собой один сплошной синяк. Бока тоже были покрыты фиолетовыми и зелеными пятнами, соединяющими передний кровоподтек с задним.

– Черт возьми! – крикнул человек с винтовкой; кажется, его звали Лестер.

Джей-Ди осторожно протянул к Этану руку.

– Теперь давай послушаем сердце, ладно? – спросил он таким тоном, будто просил разрешения, и Этан послушно кивнул. – Ну хорошо, – сказал доктор, покончив с этим, но трубочек стетоскопа из ушей не вынимал. – Так, теперь я хочу послушать твои легкие. Когда скажу, сделай глубокий вдох и медленно выдохни. Хорошо?

– Вы же врач, – ответил Этан.

– Так. Делай вдох. Больно?

– Немного.

Он зашел к мальчику сзади и приложил прибор к спине:

– Вдохни. Все еще кашляешь кровью?

– Нет, сэр.

– Еще раз, пожалуйста, глубокий вдох.

Джей-Ди закончил, вернулся на свое место и заглянул мальчику в глаза.

– Лестер, – тихо сказал он, снимая и кладя в сторону стетоскоп. – Ты можешь идти.

– Точно?

– Точнее не бывает. Шагай.

Он подождал, пока Лестер прикроет за собой, насколько это возможно, искореженную дверь. Трещины от землетрясения избородили все стены.

– Можешь одеваться, – сказал он. – Садись.

– Ничего, я постою, – отказался Этан.

– Ну а я все-таки присяду, – сказал доктор.

Он опустился в кресло, и что-то щелкнуло, то ли в самом кресле, то ли в его усталых костях. Доктор вытянул ноги и, глядя на Этана, потер чисто выбритый подбородок.

– Небось догадываешься, о чем я хочу поговорить, – осторожно начал Джей-Ди.

Этан пожал плечами, но он действительно знал это.

– В такое время мужчине всегда не помешает добрая порция ржаного виски, – продолжил Джей-Ди. – Обожаю этот напиток. Тихим вечерком, сидя перед горящим камином... в динамиках тихо поет Фрэнк Синатра... он жил, когда ты еще не родился... и мир не сошел с ума. Дебора... это моя жена, упокой Господи душу ее... бывало, сядет рядышком и сидит слушает музыку или читает. Прости; может быть, тебе это неинтересно. Так?

На этот раз седые брови его остались на месте; на данный вопрос ответа ему не требовалось.

– Да, это была жизнь, – продолжал он. – Чертовски прекрасная жизнь. – Он печально усмехнулся. – Чего бы я только не отдал, чтобы эта жизнь вернулась, какой бы скучной она ни казалась. Два года уже... как на земле царит суший ад. Куда ни глянь, везде один только ужас.

Улыбка его увяла, хотя трудно было назвать это улыбкой. Взгляд его заострился.

– Расскажи-ка ты мне про Белую Обитель, – сказал он. – То есть... в общем, Дейв все мне уже сообщил. Но я хочу послушать тебя. Хорошо? Погоди-ка... перед тем как ты что-нибудь скажешь... в общем, пару дней назад Дейв с Оливией отправились в школьную библиотеку, хотели найти какую-нибудь географическую карту и поискать на ней эту твою Белую Обитель. Дейв считает, что это название какого-нибудь городишки. Вот только где, не очень понятно. – В последние слова он подпустил немного сарказма. – И представляешь, им повезло, нашли там атлас автомобильных дорог. О своих приключениях рассказывать они не стали, но Оливия вернулась с поврежденной коленкой, впрочем – ничего серьезного. Правда, когда вернулась, расплакалась, ее стало трясти... в общем, с ней случилась истерика. Я дал ей успокоительное, самое сильное, что у меня есть. Дейв тоже не захотел ничего рассказывать. И я хочу, чтобы ты знал, Этан... там с ними случилось что-то совершенно ужасное... а ведь они... скажем так... действовали, чтобы помочь тебе. Повторяю, что-то совершенно ужасное, я видел это по лицу Дейва. Когда видишь такое у него на лице, брат... я сразу понял, что они огребли там по полной.

Этан кивнул. Он не знал, что и сказать. И проговорил первое, что пришло в голову:

– Я не просил их это делать.

– Да, не просил. Но... видишь ли... это все твоя Белая Обитель. Плюс землетрясение, которое ты, по твоим же словам, вызвал. И еще Дейв почему-то считает, что ты знал про родник под бассейном. Сложи все это вместе. Не многовато ли будет, чтобы человек, привыкший мыслить разумно, мог это переварить, как ты считаешь?

– Пожалуй.

– Но, – продолжал Джей-Ди, и на лбу у него прорезались глубокие борозды, – Дейв в чем-то прав. Что сейчас можно считать разумным, а что нет? Что считать рациональным? Я своими глазами видел, как нормальный с виду человек мгновенно превращается в сплошь покрытое черными шипами чудище – это было как раз в той комнате, где мы тебя заперли, когда ты у нас появился. Видел, как на лице девочки-подростка вдруг возникает огромная, усеянная оскаленными зубами пасть, которыми она пытается откусить мне голову... спасибо Дейву, успел пристрелить заразу. Разве можно разумно объяснить такое? Ну, может, и можно, впрочем, с точки зрения горгонцев с сайферами. Видишь ли, мне кажется, они из людей создают живое

оружие. Ставят на них свои опыты. На нас, я имею в виду. У них потрясающая программа разработки нового оружия, она идет полным ходом, и новые образцы они сразу испытывают в реальном бою. Может быть, они делают это потому, что могут, так уж они устроены. Что ты об этом думаешь, а, Этан? Это ведь ты говорил что-то о том, что горгонцы и сайферы воюют по поводу границы, да? Ты ведь это говорил?

– Да, – тихо сказал Этан.

– Почему ты это сказал? Откуда у тебя эти сведения и почему об этом не знаем ни я, ни Дейв, ни Оливия, да и вообще никто?

Этан ответил не сразу.

– Я просто знаю, что это именно так, – так же тихо сказал он. – Они воюют за контроль над границей. Границей между их...

– А сам-то ты кто? – вдруг перебил его Джей-Ди и сразу подобрал под себя ноги, словно им угрожала опасность от черных шипов или страшной пасти, наполненной крохотными лезвиями зубов. – Мы ведь с тобой оба понимаем... ты получил такие повреждения... каждое из них для тебя смертельно. И кровоподтеки твои... они становятся все хуже, так ведь? А давление крови в норме, легкие в порядке, и сердце работает нормально. И еще, позволь мне сказать... легкие у тебя должны быть засорены, заполнены кровью, так что ты не смог бы даже вздохнуть... я все еще не могу понять, как ты вообще стоишь на ногах. Господи, если бы у меня был рентген и электричество, чтобы он работал! Так что... молодой человек, не знающий своего имени, не помнящий ничего о своей прошлой жизни до того, как ты вдруг проснулся и побежал через поле... Кто же ты все-таки такой? Отвечай! Потому что, мне кажется, ты не человек.

Это резкое заявление сгустило атмосферу. Этан чувствовал, что из искорки его злость разгорается пламенем.

– Вы думаете, что это они меня сконструировали? Типа... секретного оружия? Что я должен взорваться, как бомба, или отрастить себе еще парочку голов, так, что ли?

– Я бы так сказал: существо, способное одним только своим желанием вызвать землетрясение, таит в себе секретное оружие. И меня интересует такой вопрос: есть в тебе еще что-то такое, о чем ты не знаешь?

Этан изумленно вытаращился на Джей-Ди. Между ними по воздуху будто бы пробежала жаркая рябь.

– Почки, желудок. Толстая кишка, тонкая кишка, поджелудочная железа. Печенка, селезенка, легкие. Мозг, сердце, – проговорил Этан. – Я знаю, что все это у меня есть. Я – человек, сэр. И уже кое-что могу даже вспомнить. Гораздо более отчетливо, даже с подробностями. Например, я помню, как сидел в какой-то комнате за письменным столом, горела настольная лампа с зеленым абажуром и я собирал модель анатомической куклы. Вы знаете, что это такое?

– У меня такая была. У каждого ребенка, который хочет стать врачом, есть такая штука.

– Хорошо. Ну вот, я гляжу на стол и вижу ее перед собой. Отдельные части человеческого организма. Почки, желудок, толстую кишку, тонкую кишку, поджелудочную железу, печень, селезенку, легкие, мозг, сердце. Я должен разложить их в этом порядке и потом раскрасить. Баночки с краской тоже передо мной на столе. Торговой марки «Тесторс». В комнату входит темноволосая женщина... что-то начинает говорить, но я не слышу, что именно.

Ему вдруг стало невыносимо грустно; это была даже не грусть, а скорее отчаяние. На глазах навернулись горячие слезы.

– Хочу услышать, но не могу. Но... больше всего... больше всего на свете я хочу, чтобы она назвала меня по имени, потому что, думаю, это моя мама, но... если она даже произносит его, я этого не слышу. Может быть, я никогда не узнаю его.

Он вытер глаза и уставился в пол. По его телу прошла дрожь, но тут же прекратилась.

– Так что я – человек. Я это точно знаю.

Этан поднял голову и встретился взглядом с внимательными глазами Джона Дугласа.

– Должен им быть, – добавил мальчик то, что думал на самом деле.

Джей-Ди заговорил не сразу.

– И ты понятия не имеешь, что такое Белая Обитель? – спросил он. – Просто считаешь, что ты должен туда попасть?

Этан кивнул.

– Ладно, – неразборчиво проворчал Джей-Ди, словно рот у него был полон песку. – Дейв тоже так считает. А может, и Оливия тоже. В последнее время она вообще мало что говорит. Но я знаю, что Дейв сейчас внимательно изучает этот атлас. В Соединенных... в общем, в этой стране, – поправился он, – с таким названием города нет. Дейв взял у меня лупу – последнюю, между прочим, – и внимательно просматривает страницу за страницей. Скоро совсем ослепнет над этим атласом. Я слышал, что и спит он совсем мало. Просто довожу до твоего сведения.

– Хорошо, буду знать, – отозвался Этан, полагая, что хоть как-то должен отреагировать.

– А теперь, если хочешь, можешь идти. Что касается меня, то я еще здесь немножко посижу подумаю... а может, попробую вовсе ни о чем не думать.

Почки, желудок. Толстая кишка, тонкая кишка, поджелудочная железа. Печенка, селезенка, легкие. Мозг, сердце.

Сидя в кресле со сломанной откидной спинкой в комнате, когда-то принадлежавшей человеку, который уже умер, освещенной тусклым, болезненным утренним светом, что сочился сквозь проклеенные липкой лентой окна, Этан видел лежащие перед ним на письменном столе пластмассовые внутренние органы человека. Вот входит темноволосая женщина. Она улыбается, и Этан думает, что она, должно быть, красивая, хотя лицо ее он видит неотчетливо, словно в тумане. Он хочет сказать ей: «Назови меня по имени», но не делает этого, и она тоже не называет его имени, и он снова переводит глаза на каркас анатомической куклы, которую ему очень хочется собрать.

Этан услышал стук в дверь, которая, как и многие другие двери в здешних домах, подверглась обработке пилой, чтобы можно было закрыть ее в покосившейся дверной коробке.

– Кто там? – спросил он.

– Это я, Дейв, – устало пробормотал голос за дверью. – Нашел кое-что.

Этан мгновенно вскочил и открыл дверь. Вошел Дейв, лицо у него было помятое, словно он три дня предавался беспробудному пьянству. На нем были грязные джинсы и выцветшая коричневая футболка с таким множеством дыр, что, казалось, этой футболкой забавлялся какой-нибудь молодой бультерьерчик. Нечесанные, всклокоченные волосы и утомленный взгляд дополняли впечатление; веки его распухли после долгого чтения текстов с мелким шрифтом. В правой руке он держал вырванный из атласа листок, а в левой – лупу.

– Возможно, у меня есть кое-что – сообщил он, протягивая листок. – Хочу, чтобы ты взглянул.

Этан шагнул в сторону, и мужчина вошел. Он приблизился к светильнику.

– Это карта юго-восточной части штата Юта. Лупа тебе, наверное, не понадобится, но я без нее, черт возьми, никак.

Этан взял листок.

Дейв ткнул указательным пальцем в карту:

– Вот здесь. На полпути между двумя городами, Монтичелло и Блэдингом. На восточном краю Национального лесного массива Манти-Ла-Саль. Видишь?

Этан увидел. Там было написано: гора Белая Обитель, высота – 10 961 фут.

– Отсюда по прямой туда больше трех сотен миль. Но по прямой только птицы летают. А мы не птицы. – Дейв потер усталые глаза. – Вот что я здесь отыскал, – добавил он. – Это о чем-то тебе говорит?

– Нет, ни о чем не говорит. Но может быть, это оно и есть?

Дейв коротко хохотнул:

– «Может быть», говоришь? Может быть! А ты хоть представляешь, каково это – часами ползать по картам с лупой в руке?

Лишь после того, как они с Оливией вернулись домой, Дейв обнаружил, что последние страницы атласа с несколькими картами и алфавитным указателем имен и названий оторваны. Потрудиться пришлось изрядно, и он очень надеялся, что Белая Обитель не окажется на территории Канады, потому что оторваны были именно эти страницы. Дейв как можно более внимательно изучил все, что осталось: города и поселки, военные базы, озера, заливы, горы, каньоны... И наконец наткнулся на гору в штате Юта с искомым названием.

– Я ничего не знаю об этих местах, – сказал он, – но знаю одно: добраться туда будет... в общем, это все равно что чудо. Сначала на юг до Денвера, потом по семидесятой магистрали через Скалистые горы, где полно серых, да и пришельцев тоже. Поэтому твое «может быть»... что-то не очень меня обнадеживает.

– Мне-то откуда знать, то это место или нет? – задал вопрос Этан сухим тоном, как бы между прочим.

Дейв опустил голову и устался в пол, словно хотел подавить вспышку раздражения. Но уже через мгновение взял себя в руки. Он очень устал, его мучили голод и жажда, и ему казалось, что за последние два дня зрение его ухудшилось так, как не бывало и за пять лет. Но когда он снова поднял глаза на Этана и заговорил, лицо его было спокойно, а голос тих, насколько это было возможно в создавшихся обстоятельствах.

– Это единственная Белая Обитель, которую я смог найти. Либо это та самая, либо нет. Либо, как ты сказал, некая сила, которая неизвестно откуда берется, пытается направить тебя именно туда, либо тебе просто приснился дурной сон и все это абсолютно, черт побери, ничего не значит. Но я сделал свой выбор, Этан, и верю в тебя. Я буду тебя слушать. Ты это понял?

Этан пристально смотрел Дейву в глаза. Лицо мальчика не выдавало никаких эмоций.

– Вы решили идти со мной? – спросил он. – Если я туда отправлюсь, вы пойдете со мной? А Оливия? А Дуглас? А кто еще?

– Один ты туда ни за что не доберешься. Одному Богу известно, как возможно проделать такой путь.

– Вы не ответили на мой вопрос, сэр.

Дейв забрал из рук Этана карту. Он уже почти совсем упал духом, ему очень хотелось лечь где-нибудь в уголке, достать револьвер и, глядя в ствол, набраться решимости и нажать на курок. Однако... как же тогда Белая Обитель, черт бы ее побрал? И этот мальчишка... этот проклятый загадочный мальчишка, который, по словам доктора, давно должен лежать в земле. Этот мальчишка... может, он тоже результат опытов этих сайферов или горгонцев? Тогда зачем он здесь и что с ним прикажете делать?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – наконец устало откликнулся Дейв. – Лично я сейчас отправляюсь домой и как следует высплюсь. Поговорим об этом потом... когда я смогу что-то соображать.

С этими словами он повернулся, вышел и, еле волоча ноги, поплелся к себе; в одной руке он держал страницу из атласа, а в другой – лупу.

«Белая Обитель», – подумал Этан после его ухода.

«Отправляйся туда. Это очень важно. Почему-то... крайне важно».

И Этан задал себе вопрос: если он понимает, что это крайне важно, то как же получилось, что он не знает почему? Если какая-то сила, или что там еще у него в организме, руководит его действиями, то почему подкидывает ему лишь отрывочную и часто непонятную информацию, какие-то отдельные слова, которые в данный момент не имеют смысла... почему она не дает ему полной картины, чтобы сразу все стало понятно?

«Более трех сотен миль по прямой, – сказал Дейв. – Но по прямой только птицы летают, а мы не птицы».

Если полагаться лишь на голос, прозвучавший во сне, и на голос, звучащий у него в голове и подталкивающий в дорогу, то путь предстоит долгий. Да, путь предстоит долгий, и кто знает, что их ждет на этом пути? Алчные до человечинки серые люди, сайферы и горгонцы с их бесконечной войной. А как туда добираться? Пешком? Или на лошадях? Но это значит, что придется забрать остатки еды у остальных. А чем они сами станут питаться в пути? Как все это можно устроить и организовать?

Этан сел и уставился на язычок пламени в фонаре. За окном желтоватым заревом разгоралось утро. Этан рассчитывал, что нынче будет хороший денек, как говорили прежде, если, конечно, делать поправку на нынешнее жуткое состояние земной атмосферы.

«Я уже должен был умереть, – думал он. – Но я человек. Я это твердо знаю. Я помню свою мать, и свой дом, и комнату, и стол с настольной лампой, пузырьками с краской и разложенными макетами человеческих органов из пластмассы. Но я должен был уже быть мертвым... а вместо этого сижу здесь, смотрю на горящую свечку и думаю...

...кто же пойдет со мной, когда я отправлюсь в путь?»

Глава 10

Следующие три дня жизнь в Пантер-Ридже шла как обычно. В бассейн исправно набиралась вода из родника. Забили еще одну лошадь, и в этот день Оливия Квинтеро не показывалась на улице. Джон Дуглас отговаривал плачущего без остановки молодого мужчину от коллективного самоубийства вместе с женой и маленьким сыном, но пока он этим занимался, в квартире под номером 278 женщина средних лет, бывшая художница-акварелистка из Лавленда, нажала на курок ружья и снесла себе череп. Как всегда, продолжались работы по укреплению стены. Ночью на сторожевых башнях часовые наблюдали дальние сполохи то ли молний, то ли военных действий за контроль над границей между двумя мирами.

В ту же ночь погруженный в раздумья Этан обходил границы крепости. Внутренняя тяга к Белой Обители все возрастала, не давая ему уснуть. Было уже часа два ночи, в поселении царила тишина. Но спали не все: одни прогуливались в одиночестве, другие, собравшись небольшими группами, о чем-то разговаривали. Какая-то женщина плакала, прижав искаженное, усталое лицо к плечу мужчины, который невидящим взглядом уставился куда-то в пространство. Девочка-подросток лежала на земле, глядя в небо, словно хотела постичь какие-то тайны Вселенной. Ей это было не так-то просто, потому что левый глаз ее закрывала черная повязка, украшенная сверкающими стразами. «Не намного старше меня», – подумал он, глядя на эту довольно хорошенькую блондинку с овальным лицом и ямочкой на подбородке. Лет шестнадцати или семнадцати. Когда он проходил мимо, она не обратила на него ни малейшего внимания. Видно, разглядывала звезды, просвечивающие сквозь редкие облака. Подальше на траве с десятков людей стояли на коленях кружком, склонив голову и плотно закрыв глаза, как будто таким образом их молитвы скорее достигнут ушей Бога. Может быть, они собирались простоять в молитве всю ночь.

Это зрелище навело его на мысль: участвует ли во всем происходящем Бог и если да, то как именно?

Бог, которому так трепетно и страстно молятся эти люди, – неужели это Он сотворил горгонцев и сайферов? Неужели Он одной цивилизации благоволит, а другую совсем не принимает в расчет? Или все события в мире зависят от того, как ляжет небесная игральная кость?

«Белая Обитель», – думал он. Эти слова не давали ему покоя ни днем ни ночью, лезли в голову, как назойливая реклама в прерывистый кинофильм его жизни. «Я должен туда попасть во что бы то ни стало».

«Мы не птицы», – сказал Дейв. А ведь Дейв в последнее время с ним не разговаривал, перестал с того самого своего утреннего откровения. И что делать дальше – никто не знал, все просто ждали. Этан отчетливо понимал: сгибаясь под грузом неизвестности, эти люди просто ждут смерти. Надежда в них истекает, как песок в песочных часах. У каждого свой предел, и когда ты его достиг... опля – и готово, прощайте, ухожу к Создателю.

«Чушь все это собачья», – думал Этан, глядя на полуразрушенные здания. – Жить здесь больше нельзя. Если они хотят жить, им надо двигаться, потому что движение – это жизнь. Движение к цели – вот что такое жизнь. А здесь, за этими каменными стенами, которые приходится день и ночь восстанавливать... все они просто ждут, когда у них иссякнут последние надежды, и у каждого есть свой предел.

Даже если умрешь на пути к своей цели, – думал он, – то хотя бы с мыслью, что пытался достичь ее».

– Hola⁵, – услышал он женский голос. – Что, не спится?

⁵ Привет (исп.).

Этан застыл на месте. Он едва не столкнулся с Оливией, которая сама совершала ночную прогулку вдоль стен. В руке она держала фонарь, одета была в джинсы и синюю блузку с узорами. На ногах ярко-желтые, как теннисный мячик, грязноватые кроссовки. В свете свечного фонаря видно было, что взгляд у нее как будто оцепенелый. Еще не вполне пришла в себя, подумал Этан, и едва держит себя в руках. Однако мальчик не мог не заметить, что Оливия достаточно собрана, если не забыла надеть пояс с кобурой, в которой покоился пистолет.

– А, это вы, – отозвался Этан. – Привет. В общем, да... что-то не спится.

– И мне тоже. Особенно в последнее время. Снотворное кончилось. Хотела было отключиться молотком по голове... но передумала. Это было бы слишком... радикально.

Этан осторожно улыбнулся шутке, но быстро скрыл улыбку; ему хотелось поговорить о предмете более серьезном.

– Ко мне приходил Дейв, показал карту, – сказал он. – Он вам говорил?

– Да, говорил. Про гору Белая Обитель на юго-востоке штата Юта. Далековато отсюда.

– Даже очень, – согласился Этан.

– Может быть, ты бывал там когда-то с родителями? Поэтому и тянет туда, воспоминания остались хорошие.

– Не думаю. И нет никакого отца.

– Что?

– В том доме, который я начинаю вспоминать, как сидел там за столом и собирал анатомическую куклу. Джей-Ди вам рассказывал?

– Да.

– Я так и думал. В общем... там есть темноволосая женщина; наверное, это моя мать, но вот отца, как мне кажется, там нет. Просто... нет вообще. Я имею в виду, отец у меня, конечно, был, но, наверное, ушел от нас, когда я был еще совсем маленький.

Оливия подняла фонарь и осветила его лицо, глядя на него так, будто видит впервые. Колючие глаза мальчика сверкали, зубы были крепко сжаты. Казалось, он готов к каким-то решительным действиям, только она не знала к каким. Он будто чего-то ждал. Стоял, переминаясь с ноги на ногу, как лошадь, которая чувствует смертельную опасность.

– Давай прогуляемся вместе, – сказала она.

Оливия двинулась вперед. Она все еще слегка прихрамывала, и колено под джинсами стягивала тугая повязка, но женщина чувствовала себя уже неплохо, если не считать ночных кошмаров, которые будили ее по ночам после того, что случилось в школьной библиотеке. Просыпалась она вся в холодном поту, ей снова и снова снились отвратительные мутанты с острыми зубами, которые подбирались к ней сквозь сломанный пол, только вот Дейва Маккейна не было рядом, чтобы броситься ей на помощь.

Этан пошел рядом.

– Джей-Ди говорил, что вы повредили колено, – сказал он, заметив, что она хромотает.

– Ничего страшного. Прогулки мне даже полезны, разгоняют кровь.

Они успели сделать лишь несколько шагов, как в темном небе над Пантер-Риджем пронесся какой-то светящийся ярко-синим огнем предмет. Что это, разобрать оказалось невозможно, и летел он бесшумно. Этан с Оливией провожали его взглядами, пока он не скрылся за облаком вдаль. И буквально секунды через три раздался глухой гул, он становился все громче и громче, пока не превратился в пронзительный визг, разбудивший все население комплекса. После этого из облака вырвался пульсирующий красным свечением, окруженный огненным ореолом шар и помчался вслед за синим объектом. И так же быстро пропал из виду.

– Что-то они расшалились нынче ночью, – равнодушно заметила Оливия.

Во всех окнах комплекса, точнее, в дырах, которые остались от окон, замелькали отсветы свечек и керосиновых ламп. Да, этой ночью вряд ли кто-нибудь уснет. Люди уже не раз видели

в ночном небе вспышки идущего боя, слышали раскаты далеких взрывов и другие непонятные звуки действующего оружия пришельцев, но разве можно к такому привыкнуть?

– Ладно, пошли дальше, не стоять же теперь на месте, – сказала она Этану, когда они остановились, чтобы полюбоваться на разыгрывающееся в небе смертельно опасное зрелище. – Ну хорошо, о чем мы с тобой говорили? Ах да, о Белой Обители.

– Я должен туда отправиться, – твердо сказал он. – Совсем скоро.

– Прекрасно, – отозвалась Оливия, а сама подумала, что может означать этот возбужденный блеск в его глазах. Уж не лихорадка ли у него? – И как ты собираешься туда добираться? Пешком?

– Пешком слишком долго. Мне надо попасть туда как можно скорее, иначе шанс можно упустить.

Последнюю фразу он проговорил совсем другим тоном, словно что-то припоминал или через него говорил чей-то чужой голос.

– Шанс? – тревожно хмурясь, переспросила она. – О каком шансе ты говоришь?

Он уже открыл рот, собираясь ответить, но, похоже, не знал, что говорить. Сказать ему было нечего, кроме того, что он верит той силе, которая им руководит, которая тянет его или подталкивает на это опасное и, возможно, безумное предприятие. Он снова открыл было рот, но не успел и слова сказать, как по небу над Пантер-Риджем промчался раскаленный добела объект, а за ним еще один, и еще, и еще, а потом уже десятки. Шипя, как сало на раскаленной сковородке, они исчертили все небо, оставляя за собой пылающие хвосты, от которых жгло в глазах. В тучах над головой то и дело гремел гром и одна за другой сверкали молнии, только молнии эти имели голубовато-красный цвет, а гром напоминал шум океанского прибоя, бьющегося об острые скалы... все сильнее и сильнее, все громче и громче.

– Господи! – глядя в небо, прошептала Оливия.

Этан стоял рядом; все мышцы его были напряжены, сердце бухало по ребрам грудной клетки. И легкие снова разболелись, подумал он. Надо бы сказать об этом доктору... но буквально через мгновение в голове мелькнула мысль: «Слишком поздно... слишком поздно».

– Слишком поздно, – услышал он собственный голос, словно долетевший откуда-то из неведомого далека.

– Что ты сказал? – спросила Оливия с отчаянной ноткой в голосе. – Что? – повторила она, не дождавшись ответа.

Из облаков выплыло чудовище и стало опускаться.

Этан прикинул, что этот монстр раза в два больше корабля горгонцев, уничтожение которого он наблюдал над грязным полем. Такой же треугольной формы и с бурыми, черными и желтыми пятнами, как у доисторического чудовища, но не совсем такой же, поскольку каждый подобный корабль имел свои отличительные особенности. Этот был совсем тоненький, не имел отверстий или портов, и шесть из его восьми круглых «глаз», обычно пульсирующих на брюхе синим, как электрическая искра, светом, были абсолютно черны. И со всех сторон его атаковали десятки добела раскаленных шаров; оставшиеся два «глаза» отчаянно отстреливались, стараясь уничтожить как можно больше врагов, а уже пораженные представляли собой дыры с пылающей каймой в рептилоидной шкуре корабля. В воздухе пахло электричеством и горелым мясом, протухшим уже дня три назад. Это был смрад болота и горящего в огне зажигательных бомб мяса дохлых гремучих змей, которых бросили гнить под жарким августовским солнцем. Раздался пронзительный вопль боли, отвратительный, как гадючий шип, звук ногтя, царапающего по школьной доске. Горгонский корабль снижался прямо на дома Пантер-Риджа.

Оливию настолько ошарашило происходящее, что она поняла это не сразу, а лишь через несколько секунд после Этана. Движущаяся картина реальности перед ней на секунду замерла и вдруг снова стронулась с места, словно ее механизм на секунду заело. Все остальные наблю-

датели тоже поняли, что должно сейчас произойти, и из окон домов, как из самого ада пекла, вдруг донеслись пронзительные вопли.

Громадная туша горгонского корабля сотрясалась. Теперь ее взяли в кольцо черные воздушные суда сайферов, которых было, наверное, больше сотни. Совсем небольшие – в каждом из них вряд ли мог поместиться даже пилот человеческих габаритов, – с трепещущими стреловидными крыльями, заостренной головной частью и влажно блестящей оболочкой, они шныряли вокруг гигантской туши, резко меняя курс, а из крыльев летели белые огненные шары, по шесть штук сразу. Шмыгали они быстро и беззвучно, порой на секунду застывая в воздухе и снова срываясь с места, как летающие насекомые. Время от времени синяя искра вражеской энергии настигала то один, то другой из них, и невезучее судно разлеталось в клочья, но их все-таки было слишком много.

Продолжая пронзительно вопить, горгонский корабль терял управление. Он накренился влево, и тогда некоторые живые аппараты сайферов превратились в расплывчатые пятна и с невероятной скоростью устремились прямо в брюхо чудовища. И там взрывались огненными шарами, выжигая «глаза» чудовища и проделывая опаленные дыры в корпусе; из брюха корабля вырвались мощные струи темной жидкости, оросившей торчащие из земли, объединенные стервятниками кости серых.

Один из часовых на сторожевой башне открыл по спускающемуся кораблю пулеметный огонь, но для чудовища это оказалось все равно что укус комара для слона. Мозг Этана лихорадочно работал, собирая в единое целое скорость летающих объектов и их траектории, хотя прежде нигде этому не учился. Он быстро понял, что стену корабль не заденет, но жилые здания комплекса обречены. Глядя, как горгонское судно продолжает свое смертельное падение, он вдруг заметил, что сквозь каменную стену, словно призраки, проходят и снова обретают плоть какие-то фигуры. Это были сайферы. Десятки тощих как скелеты, около семи футов ростом сайферских бойцов. Их черные пустые личины смотрели прямо перед собой, ни вправо, ни влево. Свое черное двустольное оружие, растущее прямо из их черной плоти и соединенное с ней трубочками вен, по которым пульсировала какая-то жидкость, они держали, как и всегда, на изготовку. Некоторые, размазавшись в пространстве, сразу бросились в сторону жилых строений, а другие осторожным шагом двинулись вперед. Обитатели Пантер-Риджа открыли пистолетный и винтовочный огонь, но пули, если и попадали в цель, не производили на врага никакого впечатления.

Изо всех сил сдерживая крик, Оливия пригнулась как раз в тот момент, когда горгонский корабль просвистел над головой и врезался в землю, немного не долетев до нижнего ряда зданий. Благодаря огромной массе и скорости он продолжал по инерции двигаться дальше вверх по склону, увлекая за собой кучи земли и бетона, прошелся по теннисным кортам и над бассейном, а затем врезался чуть ли не в самую середину первого здания, которое рухнуло перед ним, как карточный домик. И Этан, и Оливия сразу поняли, что больница, а с ней и жилище доктора полностью уничтожены. Умирающий корабль горгонцев, пробив дорогу через нижний ряд строений, ударил и по второму зданию. Этан понял, что настал черед его жилища, а также квартир Дейва и Оливии: это здание тоже превратилось в груды бетонных обломков. В воздух взвился огромный столб пыли. Остановился корабль, совсем немного недотянув до третьего здания, которое, как и четвертое, пустовало. Урон был нанесен страшный. И теперь к кораблю приближались солдаты сайферов, желая убедиться в том, что ни одного горгонца в живых не осталось.

В разрушенной средней части второго ряда домов вдруг что-то вспыхнуло. Высоко взметнулись красные языки пламени. Из полуразрушенных строений слышались пронзительные крики, а с ними и выстрелы. Горгонский корабль лежал неподвижно, а из опаленных отверстий его, окутанная клубами пара, вытекала жидкость, которая поддерживала в нем жизнь.

Кто-то распахнул обитые железом ворота, и все, кто еще мог двигаться, ковыляя и прихрамывая, ринулись наружу, подальше от поля битвы. Оливия охнула и вцепилась Этану в плечи, словно боясь потерять последнюю опору в этом страшном мире.

– Боже мой... боже мой... – повторяла она.

– Идемте! – сказал Этан, взял ее за руку и повел к открытым воротам.

Сквозь стены шли и шли все новые воины сайферов, вновь обретая плоть, оказавшись внутри. А навстречу им двигались насмерть перепуганные, пытающиеся вырваться отсюда люди, и один из них почти в упор выстрелил в сайфера из пистолета, но пуля даже не успела до него долететь: тот задрожал и растворился в воздухе.

Оливия вырвала руку. Осунувшееся лицо ее было похоже на маску, глаза горели почти как у безумной, и слезы текли по щекам, капая с подбородка.

– Нет, – тихим, надорванным голосом сказала она. – Я никуда... не пойду.

– Нет, пойдете! – выкрикнул Этан.

Он снова схватил ее за руку, но она опять вырвалась.

– Мне надо... там... кое-что найти, – сказала она ему.

Оливия решительно зашагала, но не к выходу, а к разрушенным и горящим зданиям. Ей почему-то казалось, что в квартире под номером 227 остался Винсент и у него есть для нее какой-то важный предмет; она возьмет его и пойдет обратно вместе со всеми, кто остался в живых. Да-да, возьмет у него магический шар, шуточный подарок, с которым связано столько радости, смеха и взаимной любви, ведь даже в нынешнем сумеречном состоянии она понимает, что без взаимной любви и смеха она больше не сможет жить. Нет, она должна взять у него этот дар, иначе нынче же ночью ее сердце не выдержит и ее не станет.

– Оливия! – крикнул ей в спину Этан. – Не ходите туда!

Если женщина и слышала его зов, ответа он не дождался. Теперь Оливия напоминала такой же полный решимости призрак, как и эти воины сайферов, сквозящие мимо нее в клубящейся желтой пыли. Она продолжала идти, шаг за шагом; глаза ее распухли от слез отчаяния, печали и ярости, которую она, не зная, что с ней делать, пыталась подавить, снова и снова, потому что драться с этими тварями из иных миров она была не в состоянии. Оливия продолжала идти, несмотря на языки пламени и смердящий запах смерти, которым несло от горгонского корабля. Этот смрад сгустился у нее в ноздрях, наполнял ее легкие, а она продолжала идти, не сознавая, что рядом с ней шагает и Этан Гейнс, молчаливый и злой, и синие глаза его сверкали, как острые кинжалы в мощных лучах света.

Мимо них с трудом ковыляли к крепостной стене окровавленные люди, те, кому удалось выжить. Некоторые останавливались и пытались уговорить Оливию повернуть обратно, не ходить к этим развалинам, но, заглянув в ее невидящие глаза, умолкали и шли дальше. А она сквозь пыль и дым продолжала идти вперед, и Этан не отставал от нее; они прошли вдоль туши рухнувшего горгонского корабля с его смертельными ранами, обгоревшими по краям дырами, внутри которых можно было разглядеть красное сырое мясо и шестигранные проходы, влажные, отсвечивающие какой-то неизвестной жидкостью.

Путь дальше оказался перекрытым руинами. Оливия двинулась в обход, и Этан за ней. Там, где прежде был балкон, все пылало. Под ногами хрустело битое стекло. Впереди лежали груда обломков, деревянные балки, кухонная раковина из нержавеющей стали. Перила лестницы оказались перекручены, словно расплавленный пластилин. В полумраке, заполненном дымом, сновали тени сайферов, а пламя поглощало сломанные стулья и низенькие столики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.